

Марина Крамер

ЧЕРНАЯ

ВДОВА

Исход великой любви

2

Марина Крамер

ЧЕРНАЯ
ВДОВА

Марина Крамер
Черная вдова. Исход
великой любви
Серия «Черная вдова
Марина Коваль», книга 2

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=179492

Нежная стерва, или Исход великой любви: Эксмо; М.: 2008

ISBN 978-5-699-31074-6

Аннотация

Марина Коваль давно и прочно стоит во главе большой бандитской группировки. Она легко и хладнокровно устраняет конфликты, манипулирует коварными и беспощадными конкурентами, вызывая уважение и врагов, и преданных друзей. У железной Коваль одно слабое место – любимый муж Егор Малышев. Однажды Егора похищают. Марина согласна выполнить грабительское условие – отдать строительную корпорацию Малышева. Однако компаньоны мужа категорически против. Тогда Коваль обращается за поддержкой к «смотрящему» города Строгачу. Тот обещает помочь, но требует награды – несколько доходных заведений, принадлежащих Марине, и... её самой...

Содержание

Часть 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Марина Крамер

Черная вдова. Исход великой любви

Часть 1

Похищение

Женщина в черной водолазке и джинсах сидела перед зеркалом в большой спальне, полутемной из-за задернутых, несмотря на полдень, штор. Во всей ее фигуре было столько обреченности, что казалось, даже воздух в комнате наполнился тоской и безнадежностью. Тонкая рука потянулась к стоящей рядом на столике бутылке, женщина сделала глоток прямо из горла, чуть поморщилась – легче так и не стало. Чем больше выпивала, тем отвратительнее делалось на душе. Она подперла кулаками лохматую голову и уставилась ничего не выражающим взглядом в зеркало.

Странная штука – жизнь. Всего месяц назад она была красивой, холеной, уверенной в себе стервой, под началом которой почти две сотни головорезов, готовых убить любого, кто ее не устроит. Сейчас она сидела перед зеркалом в спальне своего огромного дома в элитном поселке, и ей самой дела-

лось страшно видеть то, что оно отражало. Из позолоченной резной рамы на нее смотрела не мигая патлатая тетка, в пальцах которой дымилась сигарета, а рядом красовалась почти пустая литровая бутылка текилы. Черные круги вокруг глаз, сжатые в нитку губы, морщина поперек лба размером с противотанковый ров... И вряд ли кто-то признал бы в ней сейчас Марину Коваль, главу большой криминальной группировки, владелицу преуспевающей игорно-ресторанной фирмы. Вот так повернулась жизнь...

В коридоре раздались шаги. Розан приехал, некому больше. Ну, так и есть – возник на пороге, приблизился и выкинул бутылку прямо в окно.

– Может, хватит? Сколько можно пить, давай делать что-нибудь!

– Отвали.

– Да и отвалил бы давно, но тебя, дуру, жалко! – в сердцах бросил он, отнимая у нее и сигарету. – Поехали.

Он сдернул Марину с пуфа, как тряпичную куклу, и потащил в душ, засовывая под струю воды прямо в джинсах и водолазке.

– Давай-давай, переодевайся, ждут нас! – подстегнул он, выходя за дверь, чтобы она могла снять мокрые вещи и переодеться.

Большого смысла во всех этих поездках Марина не видела, но Розан не отставал, он, кажется, единственный, кто до сих пор верил, что Егор жив. Кроме, разумеется, самой Ко-

валь...

Это произошло сразу после отказа Егора от участия в выборах на пост мэра. Через три дня после заявления о снятии своей кандидатуры он не вернулся домой. Просто исчез, растворился, как будто и не было никогда Егора Сергеевича Малышева по кличке Малыш... Маринины ребята перерыли все, что можно и нельзя, но нашли только сгоревшую «Ауди» и три трупа – водителя и телохранителей. Егора не было. Коваль одолели репортеры, и она укрылась дома, выставив вокруг коттеджа тройное кольцо охраны. Лежала в спальне и глушила текилу, временами проваливаясь в беспокойный и мучительный пьяный сон. Ее муж, ее любимый Егор, исчез так странно, необъяснимо, никто не звонил и не требовал ничего. Жив ли он вообще...

Прошел месяц, а известий никаких не было. Ясно становилось, что думать о хорошем поздно, о плохом – в самый раз. Один только Розан, зная, как сильно Коваль привязана к мужу, старался найти хоть что-то, хоть какой-то след, только чтобы ей стало немного легче. Он беспрестанно таскал ее к каким-то колдунам, бабкам, знахаркам, экстрасенсам, ясновидящим и прочим шарлатанам в надежде услышать хоть слово о Егоре. Бесполезно, только деньги зря переводили. Вот и сегодня он назначил встречу с очередной «потомственной ведьмой» где-то на окраине города. Какая, к черту, ведьма! Коваль сама ведьма, может, еще похлеще этой, уж ви-

док-то, во всяком случае, подобающий! Весь этот месяц она не носит ничего, кроме черного, изведя в гардеробе вещи других цветов, сделав исключение лишь для белой норковой шубы – последнего подарка мужа. Да еще белье не тронула, оставив его всех цветов, ведь Егору так это нравилось...

Накрасив глаза настолько ярко, чтобы они вообще стали видны на бледном лице, Марина вышла к курившему на веранде Розану.

– Поехали, раз уж ты меня с постели поднял.

– Вернее, оторвал от очередной бутылки, – поправил он. – Когда ты прекратишь это, а, красавица моя?

– Отвали.

– Это я сегодня уже слышал.

Да, а также вчера, позавчера, неделю назад, две... Марина мечтала, чтобы ее оставили в покое и дали побыть наедине со своим горем.

Подогнали огромный «Хаммер», Коваль уселась в него, кивнув телохранителям, следовавшим за ней, как тени, и, кажется, охранявшим не столько ее, сколько окружающих – будучи постоянно в легком подпитии, она стала агрессивной.

– Сопьешься так! – предупреждал Розан, слыша в ответ неизменное:

– Отвали! – Марина вяло отмахивалась, делая очередной глоток текилы.

Он ругал ее на чем свет стоит, но она не реагировала, зная, что не сопьется: не так уж много выпивала, просто хоть ино-

гда легче было в таком состоянии.

Джип несся по заснеженной дороге в город, распугивая автолюбителей размерами и скоростью. Гаишники на посту не реагировали, да и попробовали бы тормознуть – учитывая ту трешку баксов в месяц, что Коваль исправно платила за возможность ездить так, как привыкла и любила.

О том, что случилось у нее, знали многие, в глаза сочувствовали, а за спиной шептались: «Допрыгалась, бандитская сучка, попроще теперь делается, когда Малыша не стало, а то управы нет на эту курву!»

«Не дождетесь!» – сцепив зубы, думала она.

За этот месяц к ней намертво прилипла кличка Черная Вдова. Это помимо Наковальни, как звали ее за глаза и свои пацаны, и «подкрышные» коммерсы. «Смотрящий» Серега Строгач предложил помощь, уважая Коваль за железный характер и волю, однако услышал вежливый, но твердый отказ. Она все делала сама, как привыкла. В душе Марина была уверена, что Егор непременно жив, просто обстоятельства не дают ему возможности связаться с женой. А раз так, то она найдет его, чего бы это ни стоило. Вот только знать бы, как...

«Хаммер» затормозил у кирпичного коттеджа на окраине города.

«Нехило живут ведьмы!» – оценила Марина, бросив беглый взгляд из окна джипа.

– Выходи, покури пока, я сейчас, – велел Розан, направляясь к воротам.

Она послушно вышла, облокотилась на капот, вынула сигарету, рядом возник телохранитель Макс с зажигалкой в руке. Оглядев жилище ведьмы, он изрек:

– Прибыльный, видимо, бизнес, домик-то не похож на избушку на курьих ножках!

– Да уж! – мрачно отозвалась Коваль, наблюдая, как из ворот выходит Розан в сопровождении симпатичной невысокой блондинки в каком-то нелепом индейском одеянии.

Она приближалась, а у Марины внутри все переворачивалось и сопротивлялось. Не в силах противиться этому ощущению, она расставила ноги, скрестила руки на груди и уставилась из-под длинной челки в лицо девушки. Поймав этот взгляд, ведьма так вздрогнула, что это увидели даже Марины телохранители.

– Вы ко мне? – спросила она.

Коваль молчала, по-прежнему не переставая смотреть на нее. Внезапно девушка развернулась и побежала во двор, громко захлопнув калитку. Розан кинулся следом, а Марина, валясь с ног от хохота, присела на корточки у колеса. Вернувшийся Серега поднял хозяйку на ноги и крепко встряхнул:

– Ты что творишь?! Зачем ты это сделала?

– Что, напугалась твоя ведьма? Говорила ведь – бесполезно к этим шулерам ездить, деньги только на ветер!

– Да заткнись ты, идиотка чертова! – рявкнул вдруг Розан и тут же получил кулаком в нос – что-что, а ударить Марине

проблем не составляло.

– А теперь извинись! – потребовала она, глядя ему в глаза.

– Прости, вырвалось, – буркнул Серега, зажимая нос и пытаясь остановить кровь.

– И все, Розан, хватит с меня этих поездок ни за чем!

– Коваль, она сказала, что Малыш жив, только далеко отсюда, – произнес он в спину направившейся к джипу хозяйке.

– Что? – Она развернулась, подумав, что показалось.

– Ты слышала.

Марина кинулась к воротам, замолотила по ним каблучками:

– Пусти меня, слышишь?! Скажи это мне в лицо!

Калитка распахнулась так неожиданно, что Коваль, не удержавшись на ногах, упала прямо во двор, очень чувствительно приземлившись на пятую точку. Девушка подала ей руку, помогая подняться:

– Больно?

– Не очень, – сморщилась она, отряхивая от снега брюки.

– Вас зовут Мариной?

– Да, а вас?

– А я Виола, можно Вета. Пойдемте в дом, мне есть что сказать вам.

Внутри «избушка на курьих ножках» оказалась именно тем, о чем Коваль и думала, – вполне современным коттеджем с евроремонтом, дорогой мебелью, аппаратурой, ков-

рами. Огромный аквариум занимал всю стену в гостиной, в нем плавали синие, красные и желтые рыбы – словом, не совсем типичное жилье было у «потомственной ведьмы» Виолы. Перехватив удивленный взгляд гостьи, она улыбнулась:

– А вы ожидали увидеть летучих мышей, лягушек и ступу с помелом?

– Что-то вроде, – честно призналась Марина.

– Я не принимаю клиентов дома, для этого существует офис, и там, поверьте, все почти так, как вы представили себе. Вам я сделала исключение, потому что Сергей попросил.

– Вы давно знаете Розана?

– Достаточно. Он помог мне решить кое-какие проблемы с «крышей», теперь мы иногда общаемся. Садитесь, – предложила Виола, и Коваль упала в мягкое кресло, по привычке сунув в рот сигарету. Хозяйка тоже закурила какую-то тонкую коричневую сигарку.

– Может, виски?

– Я пью текилу.

– Не проблема, сейчас все будет. – Она нажала кнопку на столике, и через минуту появился высокий юноша, одетый, как и Марина, во все черное.

– Глеб, текилу, виски и лимон.

– Да, Виола Викторовна, – склонил голову Глеб и ушел.

– Вот интересно, я тоже Викторовна, – заметила Коваль.

– Отлично. А давай на «ты», мы ведь одного возраста, – предложила Виола. – Мне двадцать девять.

– Какое совпадение! Правда, свой день рождения я пропила, как биндюжник, даже не заметив, что он был.

– Не расстраивайся, одним больше – одним меньше! – успокоила собеседница.

Вернулся Глеб с подносом, расставил на столике бутылки, стаканы, тарелку с лимоном и оливками.

– Свободен, – кинула Виола.

Коваль проводила парня взглядом и усмехнулась:

– Странная горничная у тебя! Зачем тебе этот мальчик?

– Классно готовит и просто фокусник в постели! – нимало не смутившись, ответила ведьма.

Марине стало смешно – ей-богу, эта женщина была копией ее самой, разве что ростом пониже и блондинка. Они выпили, и Виола протянула руку, касаясь ледяных пальцев собеседницы.

– Спрашивай, ведь ты за этим приехала.

– Я не уверена уже, что хочу знать... Я боюсь знать, понимаешь?

– Не надо. Твой муж жив. Просто сейчас он далеко отсюда, и возможно, вы с ним скоро встретитесь. Не могу сказать, когда, но увидите обязательно.

Коваль ловила каждое ее слово, затаив дыхание, думая только о том, что Егор жив, жив, больше не надо ничего – только это...

– Не плачь, – говорила между тем Виола, вглядываясь в Маринино лицо. – Ты сильная, справишься. Ты не такое пе-

режила, значит, и это тебя не сломает.

Сколько раз за свои двадцать девять лет Коваль слышала от разных людей эту фразу, со счета сбилась уже. Какая, к черту, сила, когда нет того, для кого она была такой! Нет Малыша, ради которого она жила последние годы.

– Если бы ты знала, Виола, как мне тяжело сейчас! Я, не задумываясь, согласилась бы заново пройти через все, что со мной было, и не один раз, только бы Егор был со мной...

– Ничего нельзя прожить взамен. Я сказала тебе все, что знала сама. Давай о чем-нибудь другом.

– Говори, – пожала плечами Коваль, отпивая текилу.

– Ты заметила, как мы похожи с тобой внутри? – И Марина поразила ее проницательности, сама тоже об этом подумала. – У меня никогда не было подруг, думаю, что ты тоже не обременена ими, – усмехнулась Виола.

– Уж это точно! Вокруг меня только мужики, причем большей частью те еще...

– Зная твоего Розана, верю! – рассмеялась она, и Марине стало ясно, что эта девица прекрасно понимает, кто перед ней.. – Тебе не кажется, что мы могли бы с тобой получше узнать друг друга? Уверена, это будет интересно и весело, если ты именно та, кем кажешься!

– И не сомневайся, я еще хуже! – успокоила Коваль со смехом.

– Тогда, может, посидим где-нибудь, пообщаемся?

– А поехали! – решилась внезапно Марина. – Только мои

мордовороты... Я ведь без охраны не езжу – друзей нет, зато врагов на печку не перекидаешь.

– Я повезу тебя в такое место, где тебя никто не знает и не тронет, там бывают только женщины.

– Ты меня заинтриговала, дорогая!

Виола ушла переодеваться, а Марина закурила очередную сигарету. Вскоре новая знакомая вернулась, вся в белом, только шубка была из черной норки.

– Мы с тобой не останемся в тени, это точно, – заметила она. – Домино – черное и белое.

– Скажи лучше – добро и зло, – усмехнулась Коваль, вставая из кресла и надевая шубку.

– И кто есть кто?

– А ты подумай! – посоветовала Марина. – Что касается внимания, так я люблю его привлекать.

– Чувствую, тебе это с блеском удастся! – подначила Виола, улыбаясь ярко накрашенными губами. – Едем!

Они вышли на улицу, и Розан открыл рот:

– Ну, вообще! Куда намылились?

– В центр, в ночной клуб, – заявила Коваль, повергнув своего зама в шок. – Довезете – и свободны.

– Коваль, рехнулась, да? А если тебя похитят?

– Да, а потом изнасилуют и убьют. Или наоборот, – подмигнула Марина Виоле. – Серега, надо жить дальше.

– Ага, это жизнь – в кабак на ночь глядя переться!

– Извини, братан, с утра некогда было! – развела руками

хозяйка. – Все, поехали, хватит базарить.

– Спелись, блин! – ворчал Розан. – Мало было одной маляхольной на мою голову! Коваль, ты знаешь, что ты малахольная?

– Вопросов ты стал много задавать, вот что! – определила Марина, начиная терять терпение. – Это мое личное дело.

– Господи, и как Малыш все это терпел? Да у него не нервы, у него канаты! Я б тебя на второй секунде грохнул, Коваль, будь ты моей женой!

– Вот поэтому я и не твоя жена, Розан! – отрезала она, отворачиваясь, чтобы никто не видел ее слез. Муж ей прощал все, он любил ее, закрывая глаза на многое. Марина платила ему тем же. Им было так хорошо вместе, и вдруг она осталась одна, совсем одна...

Чертов Розан, уел все-таки...

Машины въехали в центр, остановились у клуба со странным названием «Мартини-шоу».

– Здесь что, пьют только мартини? Дорогая, тогда это определенно не мое заведение, – пошутила Марина, успев окончательно успокоиться.

– Ну, еще бы! – тут же встрял с комментарием ехидный Розан. – Наша Марина Викторовна в последнее время ударилась в напитки крепостью не ниже сорока шести градусов, чтоб уж наверняка вырубало!

– Отвали, Розан! Задолбал совсем! – рявкнула Коваль, задев его постоянными подначками. – Чего ты хочешь от ме-

ня все время?

– Чтобы ты остановилась и вспомнила, кто ты есть, – спокойно ответил заместитель.

– Давай с завтрашнего дня начнем этот увлекательный процесс, ладно? А сегодня я хочу расслабиться.

– Да делай ты что хочешь, ведь все равно тебя не остановишь, если ты что-то решила! – махнул он рукой, признавая поражение. – Только позвони мне, когда домой соберешься, я заеду.

– Гуляй отсюда, позвоню! – пообещала она и повернулась к Виоле, с интересом наблюдавшей за их диалогом. – Так что с названием-то?

– Хозяина конторы зовут Мартин, а пьют здесь все, что горит, – улыбнулась та.

– Что-то не знаю я такого хозяина.

– А потому я тебя сюда и привезла, что ты его не знаешь, – взяв Марину под руку, Виола направилась ко входу.

Внутри было уютно, хотя и тесновато, на придиричивый взгляд, но именно эта теснота создавала атмосферу интима и располагала к флирту. Круглые столики с красными скатертями, свечи в форме сердец, посреди зала – небольшая сцена с помостом, вроде той, что была у нее в «Латине». Любопытное местечко! Они с Виолой сели за стол в самом углу, откуда хорошо была видна сцена, заказали виски и текилу. Странное дело – Марина почти не пьянела, хотя вчера после такой же дозы уже еле ворочала языком.

– Тебе нужно прекратить это, – спокойно сказала Виола, потягивая виски со льдом.

– Прекратить – что?

– Пить, чтобы полегчало. Красивая женщина не имеет права опускаться, должен быть уровень, черта, за которую нельзя, понимаешь?

– Слушай, ты страшный человек, Виола, просто мысли мои читаешь!

– Да твои мысли на твоём лице написаны, – усмехнулась она.

В это время на сцене появились три накачанных парня в черно-белых узких плавках – два негра и блондин. Домино. Совсем как Марина с Виолой. Они извивались, демонстрируя рельефные торсы и внушительные агрегаты, едва прикрытые символическими плавками. Женщины и девушки, толпившиеся у сцены, визжали и плакали, тянули к ним руки, мечтая хоть на секунду коснуться этого великолепия, а Коваль сидела совершенно без эмоций, даже удивительно – танцоры не вызывали в ней ни желания, ни страсти, ни даже просто легкого возбуждения. Ничего. Виола ерзала на стуле, и Марина видела, как она пожирает глазами блондина, мысленно, видимо, уже сжимая его в объятиях. Коваль подтолкнула приятельницу в бок:

– Приглянулся парнишка?

– Ты заметила? Ой, не могу – обожаю высоких блондинов, просто голову теряю!

– Похоже, дорогая, он это тоже заметил, – усмехнулась Марина, глядя, как парень направляется к их столику, продираясь буквально через лес женских рук, протянутых к нему.

– Добрый вечер, – произнес он, оглядывая вызывающе выглядящую парочку ярких красоток. – Могу я скрасить ваше одиночество?

– Валяй! – кивнула Виола, и он присел рядом с ней, безошибочно определив, кому достанется.

– Меня зовут Ромео...

Коваль фыркнула:

– Ну, тогда моя подруга сегодня – Джульетта!

– Марина! – укоризненно сказала возбужденная донельзя Виола. Не будь здесь Коваль, мальчик был бы уже при деле...

– Все-все-все! – заверила та. – Молчу.

Парень перебирал Виолины пальчики, поднося к губам, и что-то шептал ей на ухо, отчего она заливисто похохатывала. «Быстро работает, молодец», – отметила Марина. Стоило ей отвлечься на минуту, как они встали и скрылись, оставив Коваль в компании бутылки текилы и сигареты.

На сцену вышел высокий, смуглый, длинноволосый парень в маске на лице. На танцора был спрос, это чувствовалось, но он легко спрыгнул со сцены и пошел прямо на Коваль, приблизился и поцеловал тонкую руку с длинными черными ногтями. Марина погладила его по щеке, сама не понимая, зачем делает это.

– Пойдешь со мной? – спросил парень.

– Еще не хватало! – фыркнула она. – Но посидеть рядом разрешу, так и быть.

Танцор послушно опустился на стул напротив и замер.

– Ты так и не снимешь маску? – спросила Коваль, закрыв глаза.

– Зачем тебе?

– Я хочу видеть твое лицо.

– А вдруг оно тебя разочарует?

– Как-нибудь переживу. Сними.

Он подчинился, и Марина, открыв глаза, ахнула – на нее, улыбаясь, смотрел Карлос, танцор из «Латины», исчезнувший около месяца назад.

– С ума сойти! – выдохнула она. – Ты?!

– Что, хочешь кого-нибудь другого? – спросил он, перемещаясь на пол рядом с креслом.

– О боже, нет, конечно, нет... Но – как ты здесь, как ты посмел уйти от меня?

– Я же не спрашиваю, как ты здесь, – усмехнулся он.

– Я даже и не знаю уже, – пожала плечами Коваль.

– Тогда, может, просто поговорим? – предложил Карлос, улыбаясь. – Мы давно не виделись.

– Давай, – откликнулась она эхом.

– Я слышал о том, что случилось. Поверь, мне очень жаль, надеюсь, что все наладится, и он вернется, все пойдет, как раньше.

– Нет, Карлос, – грустно покачала головой Марина. – Ничего не наладится, не повторится. Хорошее проходит так быстро... Знаешь, как меня называют теперь? Черная Вдова.

– Зачем слушаешь дураков? Это ведь от зависти и страха. Была б ты просто жена Малышева, курица домашняя, и тебя никто не трогал бы, но ты – Коваль, ты сама по себе. Раз не хоронила его, значит, он жив. Хотя бы для тебя, нужно просто верить в это.

Повисла пауза. Карлос осторожно поглаживал ее ноги, не стремясь, однако, перейти к чему-то другому. Ему всегда нравилась эта женщина, и даже вот эта возможность просто сидеть на полу у ее ног была для него подарком. Марина рассеянно водила рукой по черным выющимся волосам, а перед глазами стояло лицо Егора – его синие глаза, его улыбка...

Они долго сидели так и молчали. Карлос закрыл глаза, прислушиваясь к движениям ее руки.

– Ты знаешь. Коваль, а я часто о тебе вспоминаю, – вдруг признался он, подняв на Марину глаза. – Если бы я мог чем-то помочь...

– Спасибо, Карлос, – проговорила Марина, прижимаясь лицом к его волосам. – Мне пора домой, – и потянулась к карману джинсов, чтобы достать деньги, которые по непонятной причине носила именно там, а не в сумке, но Карлос перехватил ее руку:

– Дорогая, я не сплю с женщиной за деньги, ты забыла?

– Тогда что ты делаешь здесь, благотворительностью за-

нимаешься?

– Я имел в виду, что с тобой за деньги я ничего и никогда делать не буду. А другим я обхожусь очень недешево, поверь.

– Смотри, как знаешь. Проводи меня.

– Приезжай, когда захочешь, для тебя я всегда свободен, дорогая.

В это время вернулась томная и очень довольная Виола, бросила на них изучающий взгляд. Когда Карлос, попрощавшись, ушел, она накинулась на Марину:

– Ты ненормальная? Так и просидела здесь?

– Мне ничего не нужно, я приехала с тобой из любопытства! – подмигнула Коваль, вставая. – Поехали ко мне, переночуешь, а завтра Розан тебя отвезет.

– Не боишься? Вдруг я аферистка?

Марина пожала плечами, надевая шубу:

– Ну и что? У меня полон дом охраны, ты и пикнуть не успеешь, если что.

Виола расхохоталась, и они вышли на улицу, где у крыльца все же стоял «Хаммер» с телохранителями – ну, ясное дело, Розан не оставил босса без присмотра.

– Обалденная тачка у тебя, – заметила Виола, забираясь внутрь. – У меня раза в три меньше – «Фольксваген Гольф».

– Я не люблю маленькие машины, просто не понимаю. Всегда предпочитала такие вот танки, в них надежнее. А уж когда сама за руль сажусь, то лучше джипа вообще ничего не знаю – гоняю, как бешеная. Только в последнее время редко

это делаю.

– Потому что пить много начали, – отозвался из-за руля Юрка.

– Смотри, чтобы не начала водителей увольнять по тихой грусти!

– Извините, Марина Викторовна, – пробормотал он, признав неуместность своего высказывания.

По дороге Коваль исподтишка все же разглядела как следует лицо своей новой знакомой: мелкие, кукольные черты, хорошо очерченный рот, аккуратный носик, голубые, прозрачные, какие-то распахнутые глаза в обрамлении светлых, видимо, ресниц, потому что накрашены они были очень интенсивно. Девочка явно знала толк в хорошей косметике и одежде, любила и умела посещать дорогие салоны красоты, была ухоженна и даже слегка вальяжна. Марине порой очень не хватало любви к себе, было жаль времени, но уж если она оказывалась в салоне «Бэлль», то проводила там почти весь день. Судя по Виоле, она тоже отнимала у парикмахеров и косметологов уйму их рабочего времени. И еще что-то было в ее глазах такое... порочное, что ли... Она явно скрывала что-то, придерживала до поры. Ничего, рано или поздно раскроется, в этом Марина не сомневалась.

В коттедже было темно, горничная ушла к себе. Макс включил свет, и они с Лешкой пошли по комнатам, проверяя, а Виола с интересом оглядывалась вокруг.

– Не слабо!

– Не жалуясь, только одиноко стало. Я отвыкла жить одна, понимаешь? А без Егора мне вообще ничего не надо – ни дома, ни денег.

– Ты очень его любишь? – Виола сбросила шубу прямо на пол и опустилась в кресло, глядя, как Марина, присев, растапливает камин.

– Это не то слово. Я дышать без него не могу, нечем, воздуха не хватает.

– Он молодой?

– Старше меня на четырнадцать лет.

– Ого! И как? – поинтересовалась она, закулив свою сигарку.

– Ему нет равных. Такого бешеного мужика поискать! Знаешь, он очень хорошо выглядит, не скажешь даже, сколько ему лет, только седой совсем. Но, имея меня в женах... – Марина отложила спички и замолчала, глядя, как языки пламени постепенно охватывают лежащие пирамидкой березовые дрова в камине.

– Да, тяжело тебе теперь, – посочувствовала Виола.

– О чем и речь. И потом, он любил меня, все прощал, лишь бы была рядом. Думаешь, на него бабы не клевали? Ого! Аж визжали! Но женился он все равно на мне, хотя бывали варианты и после свадьбы. Так, легкий флирт с секретаршей, еще что-нибудь. Да и я ведь не без греха, если честно. Господи, если бы он вернулся, я б у ног его лежала, язык

высунув...

– Любовь, дорогая, штука страшная, я по себе знаю, – вздохнула ведьма. – У меня тоже так было, был человек, ради которого я могла, как ты, язык высунув... Но это я, а у него таких Виолок было вагон с прицепом. Плюс еще жена и двое детей. Я и не знала даже. А однажды в парке встретила с семьей, и сердце оборвалось – примерный муж, заботливый папа... Я тогда таблеток напилась, еле откачали, и вот после этого стала будущее видеть. Представляешь, смотрю на человека и вижу, что с ним дальше будет, как он состарится, как умрет... Кошмар, я испугалась сначала, а потом подумала, что из этого можно прибыль извлекать, если только грамотно все организовать. Вот теперь я «потомственная ведьма». С мужиками, кроме как в постели, стараюсь дел не иметь, да и то, если есть возможность, женщин предпочитаю. – Ага, значит, вот в чем прикол-то у нее! – Если лень к Мартину тащиться, так Глеб есть, такие вещи делает – умереть можно! Как-нибудь угощу тебя, хочешь?

– Почему нет? – улыбнулась Марина, слегка шокированная ее откровениями.

Так, ни о чем, они протрепались до самого утра, запивая разговоры текилой. Уехала Виола только в обед, взяв с Марины слово позвонить, и та честно пообещала, решив даже сдержать данное обещание – новая знакомая ей понравилась, оказалась близка по характеру и по отношению к жизни.

Розан не повез ведьму, отправил кого-то из пацанов, а сам

явился к Марине и, завалившись в кресло, принялся вести воспитательные беседы:

– Схлестнулись уже? Подруги неразлейвода? Смотри, Коваль, она ж вроде тебя – шальная. Только ты в делах шальная, а она – в койке. Просто как машинка фирмы «Зингер», честное слово, даром что ведьма. Я с ней переспал раз, так еле уполз потом.

– А про меня-то ты что знаешь? – Марина причесывала влажные после душа волосы и с улыбкой глядела на своего зама. – Со мной ты не спал, как можешь судить? А вдруг я еще хуже, а?

– Ты это сейчас меня провоцируешь, что ли? – изумился Розан.

– Еще чего не хватало! – фыркнула она. – Скажешь тоже! Ты не в моем вкусе.

– Конечно, – тихо и с горечью сказал Серега, отворачиваясь. – Я же не Малыш, не Череп. Ты даришь себя только крутым, а я так – халдей, охрана. Слишком прост я для великой Коваль.

– Серега, ты это серьезно, что ли? – не поверила Марина, замерев от удивления. – О чем ты говоришь, подумай!

– О чем? О том, что я люблю тебя! О том, что у меня сердце болит, когда я тебя вижу! Я знаю, что не по чину мне, но все равно...

– Серега...

– Что – Серега, Серега?! Забудь, что я тебе тут наговорил!

Просто обидно стало – поперлась к стриптизерам каким-то, хотя позови только – на коленях приползу, ноги целовать буду, позволь только хоть минуту...

Он махнул рукой и, пряча глаза, почти бегом выскочил из комнаты, хлопнув дверью. Коваль ошарашенно застыла в кресле с расческой в руке. Вот это номер... Никогда, даже в страшном сне, не грезился ей Серега Розан в качестве любовника. Боец, бригадир – кто угодно, только не мужчина, мечтающий разделить с ней постель. Расслабила она своих ребят, скоро каждый мечтать начнет... А ей оно надо разве? До сих пор никому из бойцов и в голову не приходило задуматься, что их босс – не мужик, а молодая, привлекательная женщина, с которой можно не только дела делать. И вот Розан, бывший вообще членом семьи, позволил себе высказаться...

Проспав после обеда почти дотемна, Коваль решила немного развеяться, а потому велела выгнать из гаража «Хаммер».

– Марина Викторовна, может, я лучше поведу? – взмолился Макс, которого мутило от ее езды.

– Сидеть! – рявкнула хозяйка, заводя машину.

Разогнавшись до максимума, неслась по трассе, стараясь сбросить захлестнувшую злость, телохранители вцепились в дверки, боясь даже глянуть на спидометр.

– Расслабьтесь, парни! – хохотнула Коваль, глядя в зерка-

ло. – Мне нельзя умирать, я должна еще увидеть Малыша!

Прокатив свою охрану с ветерком, перед поворотом в «Парадиз» она сбросила скорость. Взмокшие Макс с Лехой осмотрели дом и собрались уходить, но Марина остановила их, протянув бутылку «Хеннесси»:

– Снимите стресс!

Свой стресс она тоже сняла, лежа в джакузи со стаканом текилы и сигаретой. Удовольствие поломала трель мобильного.

– Алло! – томно выдохнула расслабленная теплой пузырящейся водой и крепким напитком Коваль.

– Марина Викторовна? – спросил совершенно незнакомый мужской голос.

– Да, это я. И?

– Вас интересует судьба вашего мужа?

Задохнувшись от неожиданности, она зашарила рукой по борту джакузи в поисках сигарет и зажигалки.

– Вы слышали мой вопрос, Марина Викторовна?

– Да-да, слышала! – Дрожащей рукой Марина кое-как прикурила и глубоко затянулась, пытаясь успокоиться.

– Вы не ответили.

– Что за ерунда?! Как меня может это не интересовать?!

– Вот и отлично. Значит, мы сумеем договориться. Давайте встретимся завтра в сквере у Оперного театра, скажем, часа в два.

– Я должна убедиться, что мой муж жив, иначе с места

не тронуть! – отрезала Коваль, лихорадочно соображая, что делать.

– Если вы позволите мне закончить, я удовлетворю ваше любопытство. Так вот, вы придете одна, без охраны.

– Я не хожу без охраны!

– Придется, иначе я к вам не подойду. Мы обсудим все детали, и можете снова ходить со своей охраной.

– Хорошо, а как я узнаю вас?

– Я подойду к вам сам, я хорошо знаю вас в лицо.

– Вы обещали, что дадите мне услышать мужа, – напомнила Марина, охваченная волнением и нервной дрожью во всем теле.

– Я держу слово, как и вы, надеюсь.

В трубке повисло молчание, а потом она услышала голос, от которого замерло сердце, и из глаз хлынули слезы:

– Девочка моя, здравствуй, любимая...

– Егор... – заплакала Коваль. – Как ты, родной, где ты?

– Детка, не плачь, со мной все в порядке. Я так тебя люблю и скучаю...

– Егор, любимый мой... – Но трубку уже положили.

Марина выскочила из джакузи, разбив стакан и опрокинув пепельницу на пол. Наскоро промокнув себя полотенцем и кое-как подсушив влажные волосы, оделась и бросилась во двор к машине. Пока она возилась, ища в карманах шубы ключи, из домика охраны выглянул потревоженный шумом Макс:

– Куда вы, Марина Викторовна?

– Давай в машину, быстро!

Макс метнулся обратно, вернулся в куртке и плюхнулся на переднее сиденье.

– Куда едем-то?

– К Розану.

– Что-то случилось?

– Помолчи, думать мешаешь! – велела хозяйка, в уме пытаясь вычислить, кто же все-таки стоит за этим похищением и что потребует завтрашний гонец в обмен на свободу Егора.

Влетев во двор розановского дома, Марина довела охрану до инфаркта, затормозив с ходу так, что джип занесло и развернуло. Еще из машины услышала, как орет кто-то:

– Ништяк, пацаны, это хозяйка приехала!

Она побежала в дом, оттолкнула попавшуюся в коридоре горничную и рванула вверх, в спальню. Розан был не один – в его постели лежала томная шатенка.

– Розан! – заорала Коваль, совершенно не смущенная тем, что испортила Сереге ночь. – Выкидывай к чертям свою телку и спускайся, у меня дело! Пять минут тебе на все!

Бедная девчонка, видимо, приняла громогласную красотку за Серегину жену, испуганно прикрылась одеялом, а сам Розан, обалдевший от наглости босса, забыл даже, что на нем нет трусов, так и стоял в чем мать родила и пялил на Марину округлившиеся глаза.

– Что уставился? Одевайся, простынешь! Говорю – дело у

меня! Гони свою мамзель, в другой раз загасишь!

Коваль развернулась и пошла вниз. Ровно через пять минут Розан выкинул из дверей упирающуюся девицу, крикнув охране, чтобы отвезли туда, где взяли, и вошел в гостиную.

– Что это все значит? – зло спросил он. – Ты вломилась ко мне среди ночи, разоралась на весь поселок, выкинула мою телку, весь кайф обломала... Надеюсь, ты понимаешь, что теперь у тебя должно быть что-то просто убойное, чтобы я тебя не придушил? – Только Розан мог позволить себе подобный тон в разговоре с хозяйкой, только ему она прощала такое.

– Расслабься, ночь длинная, тебе пацаны еще одну привезти успеют! – не осталась в долгу Марина. – Серега, Егор нашелся, он жив, я с ним разговаривала!

Розан замер:

– Да иди ты! Seriously?!

– Я не в настроении шутить!

– Так, давай конкретно: кто, где, что хотят?

– Понятия не имею. Завтра в два у Оперного меня будут ждать, чтобы обговорить условия.

– Лохи! – определился Розан. – А если ты ментов приведешь?

– Ни фиги не лохи, Серега! Они прекрасно знают, с кем дело имеют, поэтому не боятся, что я к ментам кинусь, я же не Маша с колхозного рынка, знаю, чем такие финты могут для Егора обернуться. Я соглашусь на все их условия, только

бы они вернули его, – решительно сказала Коваль, просчитавшая уже в уме подобный поворот событий.

– Погодь, подруга! – остановил Серега. – Так дела не делаются! Не надо пороть горячку, нельзя соглашаться сразу, время попроси, обмозгуем. Если Малыш до сих пор жив, то ему пока ничего не угрожает. Требуешь, чтобы разрешили разговаривать с ним ежедневно, тяни время. Не делай глупостей, Коваль!

– Тебе легко говорить! – огрызнулась она. – Как подумаю, что могу не увидеть его больше, так на все готова...

– Вот я и предупреждаю – головой думай, а не другим местом, которое у тебя зудит! – скривился он.

– Заткнись лучше! – предупредила Марина, сверкнув глазами. – Не тебе судить об этом!

– Прости... – Он подошел вплотную и опустился на колени перед креслом, уронив голову на ее сложенные руки. – Прости, не соображаю совсем...

– Встань! – тихо приказала она, но он только помотал гладко выбритой головой и вдруг обхватил ее ноги.

– Не могу, прости, Коваль, не могу больше! Прости... – бормотал он, забираясь руками под водолазку. – Все, хоть убей потом – не могу!

– Я сказала – вон пошел!!! – заорала разозлившаяся не на шутку Марина, отпихивая его сапогом так, что он опрокинулся на спину. – Сдурел, на хрен?! Забыл, кто перед тобой?!

Вскочив из кресла, она вылетела на крыльцо, где трепал-

ся о чем-то с розановскими пацанами Макс, толкнула его в плечо и рявкнула:

– Язык подбери – наступишь! Марш за руль!

Дома, страдая от бессонницы, набрала Виоле. Она долго не брала трубку, потом раздался ее сонный голос:

– Слушаю...

– Ветка, это Коваль.

– Ты sdурела – шестой час всего, – застонала ведьма.

– Егор нашелся.

– Что?! – Сон у той враз прошел.

– Я говорила с ним по телефону.

– Я приеду через час! – крикнула Ветка, бросая трубку.

За «час» Коваль успела основательно вздремнуть и принять душ, на который ночью сил не осталось. Вета, опять вся в белом, влетев в комнату, порывисто обняла Марину:

– Господи, как я за тебя рада!

– Ветка, ты мне нужна. Сегодня я встречаюсь с человеком, который знает, где мой муж. Взять с собой своих людей я не могу, их знают, скорее всего, поэтому я хотела попросить тебя незаметно проводить потом этого деятеля и посмотреть, куда он направится. Поможешь?

– Да легко! – согласилась она.

– Спасибо тебе.

Коваль долго и тщательно одевалась, красилась и укладывала волосы. Она делала это все скорее для себя, чтобы

чувствовать себя увереннее. Макс и Лехе Марина велела остаться дома. Учитывая, что за руль она села сама, те не очень возражали...

Машина охраны все же двинулась за «Хаммером», но на приличном расстоянии, Виола на своем «Фольксвагене» ехала следом. За рулем второго джипа сидел Розан, выглядевший неважно – видимо, остаток ночи пил, заливая горе. «Ну и рожа... Как пить дать, гаишники его тормознут!» – отметила про себя Марина.

Ровно в два часа она вышла из припаркованной у сквера машины и пошла по дорожке, стараясь не шарить глазами по сторонам. Спустя несколько минут за ее спиной раздался голос:

– Марина Викторовна?

– Да, – она обернулась.

Стоявший рядом мужчина был ей совершенно незнаком: невысокий, какой-то неприметный, про таких говорят «человек без лица». Вряд ли Марина уже завтра вспомнила бы, как он выглядел и во что был одет.

– Вы пунктуальны. Говорить будем на ходу или присядем?

– Мне все равно, – и они двинулись по аллее в сторону большого фонтана, законсервированного на зиму.

– Дело обстоит так, Марина Викторовна. Мы не требуем денег, мы хотим передачи контрольного пакета акций «Малышев Билд Корпорейшн» фирме, название которой вы узнаете чуть позже.

– Я не имею никакого отношения к корпорации, – перебила Коваль. – Я не могу решать эти вопросы, у меня просто нет права на это. Придется собирать совет директоров...

– Вашему мужу принадлежит контрольный пакет акций, он владелец «МБК», и то, что вы сейчас говорите, не наши проблемы. Если вы захотите вернуть мужа, то найдете способ убедить совет директоров, – продемонстрировал отличное знание ситуации гонец, и у Марины вдруг закралось подозрение, что знает он значительно больше, чем хочет показать. В связи с этой догадкой у Коваль просто руки зачесались дать знак Розану скрутить этого молодца и увезти в подвал в «Роще», а уж там вытрясти из него все, что можно и чего нельзя, но воспоминание о судьбе мужа заставило ее отказаться от этой идеи.

– А если не найду? Если я не смогу повлиять на них?

– Мне жаль, но вам придется, другого выхода у вас нет, – отрезал мужчина решительно.

– Мне нужно время. И, кроме того, у меня есть условие: я должна разговаривать с Егором каждый день.

– Вы не в том положении, чтобы диктовать условия. Но ваша наглость действительно безгранична. Это все, чего вы хотите?

– Пока да. Пять минут разговора с мужем каждый вечер, скажем, часов в десять. – Коваль смотрела ему в глаза и была уверена, что он согласится – уж очень ничтожно было ее условие по сравнению с тем, что выдвинул он.

– Хорошо. Но у вас есть всего месяц, чтобы выполнить наши требования. Время пошло, – и он удалился так быстро, что Марина и понять не успела: а был ли мужичок-то?..

Она вернулась к джипу, в отчаянии шарахнув кулаками по капоту. Розан подошел сзади, взял ее за плечо, но Коваль вырвалась:

– Уйди!

– Что случилось?

– Я тебе скажу, что случилось: за месяц я должна уговорить совет директоров корпорации отдать – подчеркиваю, отдать, а не продать – налево контрольный пакет акций, вот что случилось! – заорала она, не в силах больше держать в себе накопившуюся ярость. – Как я могу это сделать, не подкажешь?

Розан протянул ей сигарету, закурил сам. Молча пиная носком ботинка снег, он о чем-то думал. Марина курила и пыталась сообразить, как же ей уговорить пятерых прожженных компаньонов Егора, умеющих считать деньги и предугадывать риск на три шага вперед, согласиться на выдвинутые условия. Если бы все зависело от нее лично, она, не задумываясь, отдала бы все, но похитителям нужна была вся корпорация, и решить этот вопрос самостоятельно Марина не могла – не было у нее права на это. Они изначально договорились с Егором, что их бизнес не пересекается, они не лезут в дела друг друга, поэтому фирма могла перейти к Коваль только в одном случае, думать о котором хотелось меньше

всего. И что теперь делать? Голова трещала, а решения не было, и тут заговорил Розан:

– Нужно поговорить с ними. Позвони Самсонову, пусть соберет всех, ты объяснишь, что и как. В конце концов, если бы не Малыш, ничего бы они не имели, это он их всех из дерьма вынул и сделал тем, что они есть теперь. Они обязаны помочь тебе.

– Вряд ли они вообще захотят говорить со мной, ты ведь знаешь, как ненавидит меня Самсон, еще с тех пор, как под Мاستифовой «крышей» ходил и деньги нам не хотел возвращать, – вздохнула Марина.

– Заставь, Маринка, ты сможешь! – и в его глазах мелькнул злой огонек.

– Ты думаешь о том же, о чем и я? – медленно произнесла она, глядя на своего верного зама.

– Видимо, да, раз уж у нас о Мастифе речь зашла. Его школа. Смотри – у Самсона дочь-студентка, у Ильинского – сын и дочь, у Абаева – только жена, но моложе его лет на двадцать и очень такая... аппетитная, у Яценко сестра-двойняшка, они неразлейвода, а у Щепкина – шестилетние пацаны, поздние, кое-как сумели родить на старости лет. Усекаешь?

– А то! Только противно это все, не хочу так... по-скотски, – опять вздохнула Марина, прекрасно понимая, о чем говорит сейчас Серега.

– Но это ж накрайняк, если рогом вдруг упрутся, – возра-

зил Розан.

– Не нравится мне это, если честно.

– Ой, да брось ты, Коваль! А когда с Мاستифом подкрышных коммерсов в подвале за долги колпашила, нравилось? Не помню, чтобы тебя угрызания совести мучили!

– Как там в кино? «То – бензин, а то – дети!» Это совсем другое, Серега. Они брали деньги на развитие бизнеса, а потом, раскрутившись, пытались нас же и кинуть. Гнилые люди, коммерсы эти.

– А здесь не деньги, дорогая, здесь – жизнь твоего мужа, – жестко перебил Розан. – И за это можно глотки рвать. Вспомни, когда ты застряла с Воркутой, Малыш не думал, не остановился ни перед чем, чтобы тебя вынуть.

Коваль тяжело вздохнула – он был прав, Егор не думал, он просто сделал, а она мучается сейчас моральной стороной вопроса. К черту мораль! В конце концов, может, они сразу согласятся...

Позвонила Ветка, о которой Марина успела забыть в пылу разговора:

– Слушай, подруга, а господин-то рванул в аэропорт и отбыл в город-герой Москву!

– А ты как узнала?

– Проехала следом за такси и дождалась, когда он регистрацию пройдет.

– Спасибо, Ветка! Приезжай вечером, поболтаем, – предложила Коваль, но ведьма в ответ только рассмеялась:

– Не могу! Мне ведь деньги с неба не падают, как тебе, мне вкалывать надо! Позвоню на днях, не грусти, все получится.

– Серега, сядь за руль, – попросила Марина, убирая мобильный в карман. – Меня что-то трясет всю.

– Холодно, а ты без шапки, – улыбнулся он, надевая ей на голову капюшон.

Вернувшись, Коваль позвонила заместителю Егора Самсонову и попросила созвать совет директоров завтра, часов в девять утра.

– Это зачем еще? – удивился он.

– У меня есть информация, которую я хочу обсудить со всеми, – категорически заявила Марина.

– Что-то о Егоре?

– Да.

– Хорошо, я попробую.

– Не попробуете, а соберете, – сказала она, еле сдерживаясь, чтобы не применить пару бранных выражений, на которые она в последнее время стала большой мастерицей.

– Успокойтесь, Марина Викторовна! Я не ваш бригадир, чтобы так со мной разговаривать, – нахамил Самсон.

Бросая трубку, Коваль пробормотала:

– Был бы ты, сука, мой бригадир, ты и рта бы открыть не посмел, ублюдок!

До вечера она не знала, куда себя деть и чем заняться, металась по дому, как чумная. Сделала себе пару бутербродов

с рыбой, чем удивила домработницу, считавшую, что хозяйка не знает, где у нее кухня и как выглядит холодильник, и отправилась в спальню, села у телефона. Чем ближе к десяти подходили стрелки напольных часов, тем сильнее билось Маринино сердце. Но ровно в десять раздался звонок, она схватила трубку, едва не грохнув на пол телефонную базу:

– Алло!

– Марина Викторовна? Секунду, – произнес уже знакомый голос, и тут же заговорил Егор:

– Здравствуй, любимая!

– Егор, родной мой! Как ты?

– Нормально. Скучаю. Девочка моя, прости, что втянул тебя в это...

– Не говори так! – взмолилась Марина. – Я сделаю все, чтобы вернуть тебя, любимый мой. Я пойду на все... У тебя все в порядке? Мне не нравится твой голос...

– Да, – но уверенности в голосе она не услышала. – Как ты?

– Я без тебя никак. Но я исправлю это, и мы снова будем с тобой вдвоем, я обниму тебя, поцелую, ты забудешь обо всем, кроме меня...

– Не надо об этом, детка, – глухо попросил Егор. – Ты снишься мне каждую ночь, это мучает меня, сводит с ума... Не надо, малышка...

– Я люблю тебя, Егор, я так тебя люблю... – Но трубку положили, не дав закончить.

Коваль взглянула на часы – было ровно пять минут одиннадцатого. Пунктуальные твари... Она, конечно, дала себе слово не пить, но не сегодня – ей просто необходимо расслабиться и выспаться, завтра тяжелый день, она должна хорошо соображать и нормально выглядеть.

Ранние подъемы перестали быть ее стихией с тех пор, как Коваль уволилась из больницы. Нынешняя жизнь не требовала появления на службе в восемь утра, поэтому она охотно спала часов до десяти-одиннадцати, а то и до обеда, если перед этим проводила бурную ночь. Сегодня же пришлось встать в шесть, что равносильно самоубийству. Марина долго стояла под прохладным душем, стараясь заставить организм прийти в норму. Отвыкший начинать работу в такую рань, он сопротивлялся как мог, но пара чашек черного кофе заставила все же встряхнуться. Решив, что нужно выглядеть максимально строго и прилично, Коваль надела узкую черную юбку до щиколоток, черную блузку с галстуком, сапоги на высокой шпильке, гладко уложила волосы, макияж сделала почти незаметный. Но глаза-то куда денешь – чертovy глаза, из которых бьет какой-то зловещий свет, особенно когда она злится? Оставалось надеяться, что в совете нет слабонервных...

Ровно в девять утра Коваль стояла перед залом заседаний вместе с телохранителями. Сбросив на руки Макса шубу, она решительно вошла в зал, где за длинным столом сидели пя-

теро мужчин от сорока до шестидесяти. Во главе стола восседал Самсон, и это Марине очень не понравилось – это место принадлежало Егору. Макс и Леха застыли в дверях, Самсонов поморщился:

– Уберите отсюда свою охрану, Марина Викторовна! К чему театр устраивать? Вы же не на сходняк свой явились, не на стрелку! – Этой фразой он, видимо, решил дать ей понять, насколько несерьезно относится и к самой Коваль, и к ее положению и образу жизни.

– Моя охрана будет там, где скажу я! Спасибо, что вы нашли возможным собраться, – обратилась Коваль к сидящим, игнорируя выпад Самсона. – То, о чем я хочу поговорить, важно для Егора, это касается его жизни. Мне выдвинули требование передать контрольный пакет акций «МБК» в распоряжение фирмы, название которой сообщат позже. Если я не выполню этого, Егора убьют. Срок выполнения условий – месяц, считая со вчерашнего дня. У меня все.

Выложив это, она уселась за стол напротив Самсона и уперлась глазами в его лицо. Он опять поморщился:

– При чем здесь вы? Насколько я знаю, вы не имеете отношения к корпорации.

– Да, – кивнула Марина. – Поэтому и пришла к вам, иначе все уже решила бы.

– Не понимаю, это что – ваша очередная афера, Марина Викторовна? – вступил в разговор Яценко, самый молодой из присутствующих.

– Что вы имеете в виду? – сощурилась Коваль.

– Всем известно, что когда вам что-то нужно, то вы по трупам пойдете и не остановитесь ни перед чем.

– Что, по-вашему, мне нужно сейчас?

– Ну, это уж вам виднее! – развел он руками. – Но, чувствую, вы заварили густую кашу, мадам.

– Я?! – Марина развернулась в его сторону и злобно уставилась в зеленые глаза Ященко.

– Да, вы. А сейчас кормите нас сказками о каких-то фирмачах. Мы согласимся, допустим, а через полгода окажется, что мы все с потрохами принадлежим вам, Марина Викторовна!

– Ну и фантазия у вас, господин Ященко, вам бы сказки писать! Если до кого-то плохо доходит, объясняю еще раз: жизнь Егора зависит от вашего решения, я не хочу потерять мужа из-за чьего-то упрямства и негативного отношения ко мне лично. А что касается идеи господина Ященко, то спешу заверить: мне чужого не надо, это все и так принадлежит моей семье, – Марина обвела взглядом всех сидящих за столом – они не смотрели на нее, опустив глаза в бумаги.

– Нам нужно подумать, – произнес Самсон. – Нужно взвесить все и принять верное решение.

– У вас нет на это времени, господин Самсонов. Если бы несколько лет назад Егор думал чуть дольше, вас лично уже не было бы в живых, это я вам говорю. Мы бы с Мاستифом просто грохнули вас в том подвале, где держали за долги.

Помните обстоятельства нашего знакомства? – зло прищурилась Коваль, готовая испепелить его взглядом. – Егор заплатил – и вот вы сидите в его кресле и торгуете его жизнью, как последний коммерс – китайскими шмотками. А вы, господин Щепкин? – повернулась она к самому пожилому. – Если бы Егор не помог вам и вашей жене попасть в лучшую клинику Израиля, вы были бы сейчас счастливым папочкой? А ваш сын, господин Ильинский, способный и талантливый мальчик, но, увы, инвалид, прикованный к коляске, мог бы учиться в Оксфорде, если бы не Егор? Или вы, господин Абаев. Если бы Егор не убедил меня послать моих ребят, чтобы отбить у каких-то отморозков вашу красавицу-жену, что осталось бы от нее? Сказать или сами догадаетесь? Поверьте, я никогда не опустилась бы до подобного разговора, никогда не напомнила бы вам всем о том, чем каждый из вас лично обязан Егору Малышеву, но обстоятельства вынуждают меня сделать это. А вы все сейчас сидите, опустив глазки, и ломаетесь, как целки. Что, грубо? Зато правда! Я даю вам три дня, больше, к сожалению, не могу, и очень надеюсь, что вы подумаете над тем, что я сказала, и сделаете все, чтобы помочь. Не мне – Егору.

Марина встала и пошла к двери, еле сдержав себя, чтобы не схватить стул и не запустить им в эти паскудные рожи.

«Твари неблагодарные, Егор никогда не отказывал им, приходил на помощь и меня еще ввязывал, а они...» Она кипела от ярости, покидая здание бизнес-центра.

Будь сейчас ее воля, она позвала бы Розана и перестреляла бы их всех, но, к сожалению, без них вообще ничего не решить.

В десять вечера Марина опять разговаривала с Егором, его голос был каким-то уставшим, казалось, он еле ворочает языком. Ровно пять минут, ни секунды больше... Коваль всю ночь металась по постели, чувствуя, что с мужем творится что-то неладное, что ему плохо. Именно этой ночью она приняла решение идти до конца и заставить этих уродов из «МБК» отдать ей бумаги, чего бы это ни стоило.

Следующие два дня Марина не выходила из дома, пересматривая старые фильмы – «Крестный отец» с Брандо и Аль Пачино, «Лицо со шрамом», «Путь Карлито». Разговаривая с Егором, пыталась узнать, что там с ним, но он не говорил – видимо, не позволяли, контролировали каждое слово. У Коваль после этих бесед болело сердце, хотелось плакать, но она заставляла себя держаться и сырость не разводила.

На третий день она опять поехала в офис Егора. Самсон встретил ее один.

– Где все? – спросила Коваль недовольно.

– У всех слишком много работы, чтобы бросать ее и являться сюда по первому вашему требованию.

– Хорошо, я переживу. Что вы решили?

Самсон набрал побольше воздуха в грудь, как будто со-

брался нырять, и выпалил, не глядя ей в лицо:

– Мы не согласны!

Это было хуже пощечины, хуже всех оскорблений.

– Как это – не согласны? – тихо спросила Марина, вперив в его красную морду зловещий взгляд.

– Так. Мы не можем потерять контроль над корпорацией, она слишком большим трудом создавалась.

– Твоим трудом? – прошипела она.

– Да, и моим. Поэтому мы вынуждены отказать. Думаю, вы и сама разберетесь. В конце концов, пошлете своих быков, и они отобьют Егора силой. Надеюсь, вы не успели забыть, как это делается.

– Ну что же! Вы не оставили мне выбора! – и, резко повернувшись, Коваль вылетела из здания.

Закурив возле машины сигарету, она подозвала Розана и велела послать ребят по домам всех членов совета.

– Только без мордобоя, Серега! Всех отвезете в мой коттедж в «Роще». И быстрее, быстрее, пока они не прочухались, что я не пошутила! Давай, не стой, родной мой!

Розан сел в «Чероки» и унесся, Марина же, чтобы успокоиться, рванула в «Бэлль», наведя там панику. Наташа уже почти закончила ее макияж, когда отзвонился Розан.

– Готово, Маринка, приезжай.

– Вы все нормально сделали? Без глупостей?

– Обижаешь!

– Ладно, ждите.

Бросив Наташе сто баксов, Коваль побежала к машине, на ходу надевая шубу.

– В «Рощу», Юрец, быстро, быстро!

Розан встретил ее во дворе, помог выйти из машины:

– Ух, красивая какая!

– погоди, не до того! – отмахнулась хозяйка. – Где они?

– В твоём коттедже, как ты и велела, я там пацанов посадил человек десять.

– Пошли! – решительно сказала она, направляясь к дому.

Розан внутренне содрогнулся, в очередной раз убедившись, как легко Марина превращается в фурию. Раз, и все, нет больше красоты, сексуальности, обаяния – только жестокая, безжалостная Наковальня, от которой все отскакивает, едва прикоснувшись.

В гостиной, в окружении братков, сидели перепуганные женщины. Молоденькая некрасивая девушка – дочь Самсона, еще одна, постарше, – дочь Ильинского, миниатюрная блондинка с точеной фигуркой – жена Абаева, худая брюнетка, удивительно похожая на Ященко, – его сестра-близняшка, и женщина лет сорока в форменном платье, испуганно прижимающая к себе шестилетнего пацана, – няня детей Щепкина и один из его сыновей. Из всех, пожалуй, этот парнишка не только не был напуган, но даже увлечен происходящим, постоянно просил няню:

– Галина Ивановна, скажите дяде, чтобы он дал мне по-

смотреть его ружье, – и кивал в сторону стоящего рядом Дрозда, сжимающего в руке «калаш».

Марина подошла ближе и взяла пацана на руки. Няня бросилась к ним, но Розан грубо схватил ее за плечо, заставив сесть на место:

– Спокойно сиди, и ничего не случится.

Марина смотрела на мальчишку и думала, что, в принципе, она, конечно, сволочь приличная, но выбора ей не оставили, а прижатая к стене Коваль способна на все.

– Как тебя зовут? – спросила она.

– Федор, – ответил он, и Марину передернуло. – А тебя?

– А меня – Марина. Слушай, Федор, погости у меня пока, договорились? Я обещаю, что тебе здесь понравится, но ты тоже должен пообещать мне кое-что – никогда больше не проси поддержать автомат, это не игрушка!

– А Галина Ивановна тоже будет гостить у тебя?

– Да, и она тоже. Ты пойди пока с этим дядей, он тебе покажет дом, бассейн и все, что захочешь. Дрозд, возьми пацана, погуляй с ним. Только не пугай и ствол убери подальше, ради бога!

– Да, Марина Викторовна, – он взял у хозяйки Федора и вышел.

– Короче, уважаемые, – начала Коваль, обращаясь к притихшим женщинам. – Вы все будете жить в этом доме до тех пор, пока я не решу проблему, связанную с жизнью моего мужа, в чем мне должны помочь ваши отцы, мужья, бра-

тъя и – кем там они еще вам приходится. Если они помогут мне быстро и правильно, я немедленно выпущу вас отсюда, но если нет... Не обижайтесь тогда. Я не собираюсь трогать вас пока, более того – у вас будет все, что вам нужно, кроме, разумеется, возможности выйти отсюда. Повторяю – если ваша родня уступит мне, с ваших голов и волос не упадет, но в противном случае... Оцените этих мальчиков. Внушительно, правда? А еще они страшно любят женщин. Любых, лишь бы были. Дальше рассказывать не стану, на досуге сами пофантазируйте. Я всегда держу данное слово, поверьте мне. Надеюсь, вы догадались, с кем имеете дело.

– Вы – Черная Вдова... – проговорила жена Абаева, и Марину словно хлыстом ударила эта кличка, она взяла женщину за подбородок и посмотрела ей в глаза:

– Никогда больше я не должна слышать эти слова, понятно? Я – не вдова, мой муж жив, но если с ним что-то случится, вдовцом станет твой Абаев, именно с тебя я начну!

– Простите, – прошептала, заикаясь от ужаса, красotka.

– Заседание окончено. Мальчики, проводите! – Братки стали поднимать и уводить женщин, а Коваль задержала щепкинскую няню:

– Галина Ивановна, вам дадут бумагу и ручку, напишите, что нужно Федору, я не разбираюсь в этом. Гулять он будет с Дроздом, ведь воздухом-то дышать ребенок должен. Не переживайте, ему никто не причинит вреда. Вы поняли меня?

– Да-да, я все понимаю, – закивала она головой, совсем

как курица.

Когда ее тоже увели, Марина повернулась к Розану:

– Суки, я вам покажу – вдова! Серега, предупреди всех, чтобы не смели пока даже пальцем тронуть, слово грубое сказать! Я серьезно говорю, любого вздерну за причинное место, если что!

– Да успокойся ты, никто ничего не сделает без твоей команды, – отмахнулся он. – Поехали, провожу.

Она пожала плечами и пошла к выходу. Розан сам сел за руль «Хаммера», высадив Юрку и Леху в джип охраны. Только Максу Марина доверяла, позволяя присутствовать при всех разговорах, он – личный телохранитель, должен быть в курсе событий.

– Ну что, началось, как думаешь? – спросил Серега, выезжая со двора.

– Думаю, да, – откликнулась Марина.

– В ментуру бы не кинулись...

– Знают ведь, с кем дело имеют, какая, на фиг, ментура!

Кто же захочет получить родного человека по кускам? А ведь я так и сделаю, успею, если что.

– Коваль, я тебя иногда боюсь.

– Я сама себя боюсь, так что ты не одинок, – усмехнулась она, закуривая и начиная обдумывать ситуацию, которая ей не особо нравилась. Но люди не поняли по-хорошему, пришлось поставить их на одну доску с собой. Правда, у них было преимущество – они знали хотя бы, где и у кого их род-

ня, а Марина – нет. Но она заставит их помочь, все равно заставит!

Домработница, забирая шубу, сообщила:

– Марина Викторовна, телефон разрывается, все время люди какие-то звонят, вас ищут.

– Отлично, что звонят и что ищут. Спасибо, Даша, ты свободна на сегодня.

Коваль уселась в кабинете с бутылкой текилы и стала ждать очередных звонков. Это не заняло много времени – первым оказался Щепкин.

– Это вы сделали? – без предисловий спросил он.

– Да, ваш Федор с няней у меня. Успокойтесь, с ним все в порядке. Пока. Будете продолжать упорствовать, и у вас останется только один сын, – пообещала Марина.

– Ты сука, Коваль! – заблажил убитый горем отец, моментально забыв обо всем и перейдя на «ты». – Я убью тебя, если с Федором что-то случится!

– Рискни! – посоветовала она, не испытывая ни малейших угрызений совести. – Но сначала скажи, что делать мне, если убьют Егора? У меня нет никого дороже. А у тебя, если что, останется еще один пацан, ведь это лучше, чем совсем ничего, правда? Думаю, ты понял меня! – и бросила трубку.

Разговоры примерно такого же содержания состоялись за час со всеми остальными, не звонил только Самсон. Марина примерно представляла, как ломала его необходимость уни-

женно просить о чем-то у той самой Коваль, которая однажды крепко врезала ему по морде сапогом в ответ на неосторожно брошенное слово на букву «б»! А надо было думать, что и кому говоришь, особенно когда твои руки закованы в наручники! И вот опять пинок в морду, и опять он не может дать сдачи, потому что тогда пострадает его худенькая дурнушка-дочь, а это – те же наручники...

И он позвонил, куда ему было деваться.

– Слушаю.

– Ты... ты... сука, падаль! – заорал в трубку Самсон. – Если с Динкиной головы хоть волос... да я тебя... я тебя сам, своими руками... сам лично раком поставлю, порву, шлюха чертова, наизнанку выверну, паскуда, слышишь?!

– Эротические фантазии заколебали, да, Самсон? Звонишь поделиться? – поинтересовалась Марина с легким смешком. – А ну как я их реализую на твоей дочке? У меня там толпа бугаев, охочих до молодых девчонок, не страшно, папа? За базаром следи!

– Сука, попробуй только! – взревел он.

– Не сомневайся, попробую, если не одумаешься и по-моему не сделаешь! – заверила она, отпивая текилу. – Что, договариваться будем или я тебе кассету пришлю с жестким порно в исполнении твоей дочки и моих отморозков?

– Пошла ты! – и он бросил трубку.

– Некуда мне идти, дорогой ты мой, в этом-то все и дело! – вздохнула Коваль в молчащую трубку.

Она провалилась в сон, как в яму, преследовали кошмары, Марина металась по постели, не находя себе места, но и не в силах открыть глаза, проснуться. Утром страшно болела голова, таблетки не помогали, а нужно было вставать, думать, что же дальше...

А дальше позвонил Строгач и приказал немедленно явиться к нему. Подобное приглашение не сулило никому ничего хорошего, и Коваль – не исключение. Но поехала, куда ж деваться...

Охрана Строгача обыскала ее с ног до головы, успев, как заметила Марина, даже кайф словить. Она вошла в комнату, где стоял огромный бильярдный стол. Серега катал в «американку» с телохранителем, огромным, звероподобным Хохлом. После всего, что рассказывали о нем Череп и Малыш, она опасалась встречи с этим товарищем в замкнутом помещении, хотя, что скрывать, что-то было в нем такое... привлекавшее ее. Но сегодня при одном только взгляде на него Марине стало нехорошо. Строгач заметил это, ухмыльнулся:

– Выйди! – и Хохол послушно удалился, положив кий на стол.

Серега крутил свой кий в руке и смотрел на стоящую перед ним женщину исподлобья.

– Ты что, Наковальня, опять беспредел устроила? – начал он. – Кто дал тебе право распоряжаться не своим?

– Корпорация принадлежит Малышу, Малыш – мой

муж, – спокойно сказала Марина.

– Это ни при чем тут! – рявкнул Серега, с размаху хрястнув кием по столу так, что сукно лопнуло. – Мы говорим с тобой о деньгах. Если ты сольешь контрольный пакет, я их потеряю. Малыш платит за «крышу» мне, а кому будет платить новый владелец, еще неизвестно.

– Заметь, Малыш всегда делал дела честно, не дурил тебя, да?

– Не спорю, но это был наш уговор. Он был таким же, как мы все, хотя «ходок» не имел, его уважали, к его слову прислушивались. Он захотел «светлый» бизнес. Я отпустил – он платил, как все. А теперь ты пытаешься выгрести деньги из моего кармана. Наковальня, я смирился с тем, что на место Мастифа встала ты, а не Розан, ты грамотная девка, но даже твоя красота неземная не делает тебя лучше кого-то из остальных бригадиров. Накажу, не глядя на то, что ты – женщина.

– Не пугай меня, Серега, я и так боюсь, дальше некуда, – попросила Коваль. – Я не остановлюсь, на все пойду, чтобы вернуть Малыша, даже если ты будешь возражать.

– Ты, смотрю, не понимаешь, с кем разговариваешь, – жестко сказал Строгач. – Захочу – перьев от тебя не останется!

– Не захочешь, – заверила она. – Мои потом до последнего мстить будут, а ты этих отмороzków знаешь – они не просто берегов не видят, а вообще не в курсах, что таковые суще-

ствуют. Ты ведь не сможешь безнаказанно завалить вторую по величине бригаду, правда?

– Наглая ты девка, Наковальня! – засмеялся он. – Права, конечно, мне суета не нужна.

– А вопрос можно? – осмелела Марина. – Ведь это Самсон стукнул на меня, да? Ну, так знай, что у него нехорошая привычка кидать тех, кто ему помог.

– Докажи, – потребовал Строгач. – Ты ведь знаешь, за базар отвечать нужно.

– Легко! Когда он только начал бизнес, сколотив пару строительных бригад, то занял деньги у Мاستифа, а потом решил, что отдавать не стоит, и переметнулся к Малышу. Мы выловили его и грохнули бы обязательно, если бы Малыш не выплатил его долг и сто процентов штрафа. Как тебе сюжет? Теперь посмотри, чем он отплатил Малышу. Если сейчас ты заставишь меня выпустить заложников, то со временем оборзевший Самсон кинет и тебя. Можно, я закурю?

– Кури, – он протянул ей тяжелую пепельницу. – Коваль, ведь ты умная баба, как же тебя так развели?

– Знала бы, как, уже не парилась бы. Но я все равно выбью из Самсона эти бумаги.

– Я тебе помогу. Но взамен ты отдашь мне свои казино в центре, многовато их у тебя там, и пару клубов. Подумай! – предложил Строгач.

– Не о чем! – решительно ответила Коваль. – Я согласна.

– Не понял – вот прямо так, сразу? – не поверил он.

– Да. Я же сказала.

– Договорились. Конечно, контроль над «МБК» я не уступлю никому, есть люди, которые обставят все. Малыш так и останется ее владельцем. Но за это ты отдашь то, что обещала. И еще одно – ты пойдешь со мной в сауну, – выдав это, Строгач испытующе уставился ей в глаза. Коваль выдержала этот взгляд, она готова была к этому, ждала даже.

– Когда?

Он удивился еще сильнее, видимо, приготовился к тому, что ее придется обламывать.

– Да хоть сейчас.

– Идем.

– Ты серьезно? Правда, что ли, пойдешь?

– А почему нет? – пожала плечами Марина. – Или ты передумал? Боишься, что не справишься?

– Ну, Малыш ведь как-то справляется!

– Думаю, тебе до него далеко.

– Не подначивай меня, Коваль! – предупредил Строгач.

– Напугал! – фыркнула она. – Давай шевелись, мне нужно попасть домой до десяти, Егор будет звонить, я не хочу пропустить этот звонок.

– Хохол! – заорал он. – Сауну включи! Слушай, а ты ловко этих дурней из «МБК» обставила, говорят, за час твои ребята всех подмели?

– Да, было. Но ты же понимаешь, что такое безысходка?

– Уж не хуже твоего! Выпускать когда будешь?

– Как только на руках у меня появятся бумаги, не раньше. – Марина курила и смотрела на Строгача, ожидая, что он скажет.

– Забивай стрелку этим деятелям, да потом смотри, не прохлопай, а то бумаги возьмут, а Малыша грохнут. Требуй, чтобы его сразу показали, только потом документы доставай! Я подстрахую, если надо.

– Надо.

– Договорились.

Вошел Хохол, сообщил, ухмыляясь, что сауна готова.

Помещение, где у Строгача находилась сауна, стояло возле небольшого соснового леска на самом краю территории. Внутрь Хохол вошел вместе с ними, и Марине это не понравилось – он не вписывался в ее планы, это было уже, что называется, выше крыши.

– Извини, Наковальня, но он тебя обыщет немного, – словно уловив ее мысль, произнес Строгач.

– Что, ты считаешь, меня недостаточно прошмонали у ворот?

– Нет, просто не хочу до срока встретиться с Сенею Лодчиком, – подмигнул он.

– Валяй! – разрешила Коваль, поворачиваясь к Хохлу и дерзко глядя ему в лицо.

Странное дело: строгачевский монстр, огромный, широкоплечий, вдруг покраснел до корней темно-русых волос и нерешительно провел руками по ее бедрам, обтянутым ко-

роткой черной юбкой, потом – по груди. Она прикрыла глаза, чуть откинула голову. Он тоже задышал чаще, Марина положила свои руки поверх его, и Строгач, которому это почему-то не понравилось, вдруг рявкнул:

– Остановись, Хохол, хватит! Это не твое! – Руки монстра моментально оставили Маринину грудь в покое.

– Иди отсюда. Хотя погоди... Коваль, тебе текилу?

– Ты ж ее не держишь! – усмехнулась она.

– Теперь держу. Неси, Хохол, и не мешай нам.

Недовольный подобным раскладом телохранитель подчинился, поняв, что ему тут ловить нечего. Когда дверь за ним закрылась, Строгач подошел к Коваль, положил руки на талию, прижал к себе и тихо, серьезно спросил:

– Ты действительно сделаешь это?

И она так же серьезно ответила:

– Да. И ты не хуже меня это знаешь. У меня просто нет выхода.

– Странная ты. А говорила, что Малыша любишь до безумия.

– И сейчас скажу. Но это не имеет отношения к любви, это – сделка. Ты хочешь меня – ты меня получишь.

– Сложно с тобой, – вздохнул он.

– Ошибаешься. Со мной легко и приятно.

– Тогда не стой – раздевайся, – приказал он, отпуская ее.

Марина чуть отошла от него и повернулась спиной, расстегивая пуговицы мохеровой кофточки. Сбросив ее, оста-

лась в черном лифчике, следом за кофтой на пол полетела юбка. Коваль повернулась к Строгачу лицом, стоя только в белье и чулках.

– Ты всегда носишь все черное? – спросил он хрипло.

– Теперь – да.

– Ты такая молодая, должна любить все яркое.

– Это умерло в тот день, когда Егор не вернулся.

– Но ведь скоро он вернется...

– А я – уже нет.

Он протянул руку, усаживая ее рядом с собой на диван, погладил грудь в кружеве лифчика, осторожно снял его и замер, разглядывая шрам от пулевого отверстия на правой груди.

– Что это?

– А ты не знаешь? След от пули, скрепившей наш с Малышом брак покрепче всех штампов в паспорте, – усмехнулась Марина.

Строгач едва коснулся губами шрама, потом поцеловал женщину в губы. Странно, он совсем не походил на того Строгача, о котором Марине столько рассказывали и покойный Череп, и Малыш. Ни грубости, ни жестокости. Она готова была вынести нечто просто запредельное, а тут... Нормальный мужик, ни закидонов, ни желания доказать, что он круче всех в этом виде спорта. Опытный, горячий – но не Егор...

Они лежали на полке в парной, и Строгач нежно гладил

Марину по влажному телу:

– Как ты?

– Что ты хочешь услышать?

– Не знаю... Я не верю в то, что о тебе говорят. Такая женщина не может быть жестокой, ведь ты не железная, ты нежная, теплая...

– Это меня просто в сауне разморило! – засмеялась она, вставая и направляясь в просторный зал, где валялись ее вещи. – А вообще, я именно такая, как говорят, Серега. Все, сеанс окончен, мне пора домой, пока доеду, будет почти десять.

– Береги себя, Коваль.

– Постараюсь, – усмехнулась она. Заботливый!

– С тобой в самом деле хорошо. Повезло Малышу.

– Ага, идеальная жена у него! Трахается тут, пока его в подвале держат, – с горечью сказала Марина, вдруг оценив ситуацию с точки зрения Малыша.

– Он тебя никогда не бил за такие слова?

– Нет. Он любит меня, многое позволяет и прощает.

– Я бы тебя под замок закрыл, чтобы только мне давала.

– Он хотел, но потом понял: бесполезно, надо будет – уйду. И смирился. Прощай, Серега.

– Заложников отпусти, как бумаги получишь, – напомнил он.

– Наковальня слово держит!

Марина вышла на улицу со смешанным чувством – с одной стороны, он обещал помочь, но с другой – чем она расплатилась за это? Не была уверена Коваль, что Егор это оценит...

Но главное было сделано – на завтра она держала в руках толстый пакет документов, Строгач заставил Самсона отдать их. Вот от этой макулатуры зависит жизнь единственного человека, который что-то значит для Коваль на этом свете, ради которого она пошла на то, чего при другом раскладе никогда бы не сделала. Папка бумаги – цена человеческой жизни...

Когда Егор позвонил вечером, она попросила сначала дать ей поговорить с тем, кто диктовал условия.

- Я готова встретиться с вами. Документы у меня.
- Быстро управились, Марина Викторовна!
- Старалась, как могла. Так когда?
- Вы торопитесь куда-то?
- У меня есть причины для спешки, уважаемый – боюсь, что могу не увидеть мужа живым, судя по обращению с ним в вашем доме, – отрезала Коваль.
- Обещаю, что его больше и пальцем не тронут.
- Хотелось бы верить.
- Я свяжусь с вами завтра, назначу место и время.
- Дайте Егору трубку, – потребовала Марина и услышала обычное:
  - Малышка, родная, здравствуй.

– Ты скоро будешь дома, – твердо сказала она. – Все пройдет, Егор, слышишь? Я люблю тебя, как никого не любила.

– Спасибо тебе, детка.

– Не смей говорить этого больше!

Когда он положил трубку, Коваль обхватила голову руками: «Не дай бог тебе, родной, узнать, какой ценой досталась мне твоя свобода. Прав был Мاستиф, говоря, что женщине проще выжить в любом бизнесе, даже в моем...»

Она позвонила Розану, приказав выпустить всех заложников завтра утром, просто вывезти в центр города и оставить там. Потом обзвонила всех пятерых членов совета и сообщила, где и когда они смогут забрать свои сокровища. Слов благодарности не услышала, да и не надеялась, естественно.

Весь следующий день провела у телефона, ожидая звонка, и он раздался ровно в шесть вечера:

– Завтра в двенадцать часов дня я жду вас у Центрального рынка города Иваново.

– Слушайте, уважаемый, а в Акапулько мне на роликах не прогуляться? – не на шутку разозлилась Коваль. – Как я доберусь туда, ведь меньше суток осталось?

– А это не мои трудности, – отрезал мужик.

– Хорошо, но предупреждаю – если с вами не будет Егора, бумаг вы не получите, это мое последнее слово. В них не указано название фирмы, но вписать его должен Егор своей рукой, иначе это просто туалетная бумага.

– Вы грамотно обставились, – оценил собеседник. – Хо-

рошо. Но если что-то пойдет не так, то и вам не поздоровится. До встречи.

Марина тут же позвонила Строгачу:

– Серега, проблема у меня.

– Говори.

– Мне нужно быть в Иванове завтра в двенадцать, я же не успею!

– Не ори, самолет мой возьмешь. Где стрелку забили?

– У Центрального рынка.

– Место – сказка! Тебя подстрахуют, не бойся. Удачи!

Да, пригодилась бы она, это точно...

Через три часа Марина уже летела в Иваново. Ее всю трясло, она пила текилу, не пьянея. Сидевший рядом Розан недовольно морщился:

– Тормози уже, я тебя так и до гостиницы не донесу!

– Донесешь! – успокоила все-таки захмелевшая Коваль. – И даже попробуешь воспользоваться моим бесчувственным состоянием, но я тебе врежу между ног, и ты отвалишь.

Он заржал, хотя и огорчился, поняв, что она раскусила его замысел. В гостинице Марина рухнула на кровать прямо в сапогах и шубе, мгновенно отключившись. В девять утра, открыв глаза, обнаружила, что лежит в одном белье, а все вещи аккуратно сложены в кресле.

– Розан! – заорала она, садясь в постели и морщась от сильной головной боли. – Иди сюда, сука позорная! Что за

дела?!

Он вошел полностью одетый, пахнувший одеколоном:

– Что ты орешь?

– Я тебя урою! Предупреждала ведь!

– Дура ты, Маринка! – вздохнул Розан. – Что я, некрофил – бесчувственную девку трахать? А ты вообще не шевелилась, текилой своей накачавшись. Жалко стало – брюки узкие, водолазка в обтяг, сапоги еще...

Марине стало стыдно.

– Извини, если обидела, – произнесла она, пряча глаза.

– Вставай, пьянь, собираться надо, поесть где-нибудь и рынок этот чертов искать, а то вдруг он далеко.

Они спустились в ресторан. Коваль выпила только кофе и выкурила пару сигарет, зато Розан оторвался по полной, заказав внушительный завтрак.

К рынку подъехали минут за десять до встречи. Розан отошел подальше, а Марина, повесив сумку с папкой на плечо и прижав ее локтем, исподтишка огляделась. Как говаривал покойный Рэмбо, сначала узнай, в какую сторону ломиться будешь, если что-то не так пойдет. «Чисто поле, черт его дерь, даже спрятаться некуда – все, как у Розана на лысине», – бормотала она, осматриваясь. Огромная площадь перед забором, огораживающим рынок, была совершенно пустынна. Если на здании рынка сидит снайпер, то шансы даже не ноль, а минус сто. Здорово...

Интересно, как это Строгач собирался страховать ее тут?

Голос, раздавшийся за спиной, заставил Марину подпрыгнуть:

– Здравствуйте, Марина Викторовна! Не думал, что вы такая пугливая.

Она повернулась, и все поплыло – перед ней стоял Егор. Коваль даже не видела человека, сопровождавшего ее мужа, смотрела только на Егора... Похудевший, лицо в желто-зеленых синяках, разбитые губы...

Она увидела наручник, сковывающий его с провожатым, и ключ, который мужичок крутил на пальце.

– Вы привезли?

– Да, – Коваль полезла в сумку и достала папку. – Отстегните наручник.

– Не дурите, Марина Викторовна! Сначала бумаги и подпись.

– Егор – левша, он не пишет правой рукой.

– Косяк, – пробормотал мужик, отстегнув наручник. – Берите ручку, Егор Сергеевич.

Малыш разминал затекшую руку, и в этот момент на площадь ворвался милицейский «уазик», из которого выскочили трое в масках, полоснув из автоматов мужчину. Марина толкнула Егора на землю, падая сверху, но их подняли и запихали в машину. Включив сирену и мигалки, «уазик» похвостом поехал куда-то, и на переднем сиденье она почему-то увидела Розана. Ничего не понимая, Коваль смотрела на папку в своих руках, на Егора, сидящего возле нее с закрытыми гла-

зами, на Розана и людей в масках, притулившихся сзади в зарешеченной клетке... И тут до нее дошло, что не менты это вовсе, а обещанная Строгачом страховка. Сначала Коваль нервно смеялась, а потом устроила такую истерику с отборным матом, что мужики все, как один, залились краской. Розан, привыкший к подобному, хохотал, а бедные строгачевцы были просто в шоке. Они довезли всех троих прямо к самолету и, побросав в машину маски и камуфляж, тоже поднялись по трапу. Только после взлета Марина успокоилась немного, решив, что ракеты класса «земля – воздух», пожалуй, у похитителей не найдется. Прикасаясь кончиками пальцев к разбитому лицу мужа, она не верила, что все уже кончилось. Вот он, с ней, она везет его домой. Егор взял ее руку и прижал к губам:

– Малышка, ты умница. Ты сумела.

– Егор, о чем ты? Я землю рыла бы, только бы отдали, вернули.

– Я не о том – ты не отдала мою корпорацию.

– Я не могу отдать то, что не мое. Помнишь, как и когда ты сказал мне это? Я просто повторила. Господи, как же я счастлива, если бы ты знал!

Марина прижалась к нему, стараясь не причинять боли, и закрыла глаза, засыпая от ощущения того, что невыносимая тяжесть последних недель свалилась с плеч. Ее голова лежала на коленях Егора, его широкая теплая рука гладила волосы, и Коваль чувствовала себя ленивой кошкой, которую

ласкает хозяин. И вдруг Егор произнес:

– Девочка моя, а с чего ты решила, что я левша? Всю жизнь я исправно работаю правой.

Марина подняла глаза, не понимая, но внезапно смысл его слов дошел до нее – действительно, Егор не был левшой. Просто в тот момент, увидев наручник именно на левой руке, она вылепила эту дурь совершенно произвольно, для того, чтобы освободить... Все сидящие в салоне уставились на Коваль, а потом грянул такой хохот, что даже пилот по громкой связи испуганно спросил, что случилось.

– Что ржете, уроды? – обиделась она. – У меня мозги переклинило от страха, я и не то еще могла сморозить!

Егор поцеловал ее, тоже смеясь со всеми вместе:

– Девочка моя, да никто не справился бы лучше, чем ты! Я даже сам поверил...

– Малыш, ну ты хоть не смейся! Что вы, в самом деле! И вообще – где моя честно заработанная бутылка, а? – грозно спросила Марина, и все захохотали еще громче.

– Ох, е-п-р-с-т! – выдохнул Розан. – Опять нажрешься до отключки, Коваль?! Я не лошадь, могу не дотащить! Малыш, это что-то ужасное – она пьет, как биндюжник, аж вырубается потом, с этим надо срочно как-то справиться!

Но Егор, глядя на жену с нежностью, перебил его:

– Пусть. Сегодня можно. Не думай ни о чем, детка, расслабься.

Она благодарно поцеловала его, показала Розану язык и

взяла протянутую ей кем-то из строгачевских бутылку, делая глоток прямо из горла...

Все, кто видел, потом рассказывали, как из самолета Се-реги Строгача на аэродроме вывалила группа слегка поддавших людей, впереди которой шел Розан, несущий на руках хохочущую и совершенно невменяемую Коваль. Она даже пела что-то, пока ее не запихали в джип, где она и отключилась благополучно.

– Обалдеть! – выдохнула Коваль утром, разглядывая в зеркале свое опухшее лицо. – Это когда ж я успела так на-жраться?

Егор лежал в постели и, смеясь, наблюдал за ее попытками встать и дойти до душа.

– Ты, я смотрю, без меня совсем разбаловалась – пьешь больше мужиков, – заметил он, впрочем, совсем без упрека.

– И не говори, – простонала она и легла обратно, осознав бесполезность своих усилий. – Но теперь с этим все, дел куча, надо разгребать.

– Скажи, а почему с тобой строгачевские прилетали? – спросил Егор, обнимая жену.

– Он помог. Если бы не он, твои гниды ни за что не согласились бы.

– Строгач ничего не делает просто и даром.

– Не даром, ох, не даром! Я отдала ему казино в центре, «Бубновый туз», и два клуба на окраинах, – спокойно отве-

тила Марина.

Егор поднялся на локте и удивленно посмотрел на нее:

– Ты что? Зачем?

– Егор, это не обсуждается, дело сделано, цена нормальная. Давай забудем, мне ведь далеко еще до паперти, в конце концов! – пошутила Коваль. – И потом, я не смогла обломать твоих дружков сама, просто времени не хватало, и на крайние меры идти не хотела, хотя морально уже была готова. Впрочем, я уверена, что они и сами пожалеют тебе на мои меры воздействия.

– Что ты опять натворила?

– погоди – узнаешь! Я бы на месте этих козлов сделала коллективное харакири, чтобы в глаза тебе не смотреть, – зло бросила она, вновь садясь на постели и хватая с тумбочки сигареты. – Знаешь, я бы их перестреляла собственными руками, тварей. Такие компаньоны – врагов не надо! И меня еще беспредельщицей называют! Да я и мои ребята – просто Белоснежка и семь гномов! Беспредел – это когда на карте жизнь человека, а люди о кармане беспокоятся, как бы чего мимо не упало! Предатели!

– Ну, все, все, успокойся! Я разберусь, не нервничай так, ты кипишь прямо, – успокаивающе проговорил муж, поглаживая ее голую спину.

– Кстати, дорогой, тебе бы в больничку не мешало, между прочим! – вспомнила Марина, оглядывая синяки на его лице и теле.

– Ты на себя бы лучше посмотрела – по тебе уже «дурка» плачет! – Егор поймал ее руку и прижал к своей щеке. – И все равно я тебя обожаю...

Коваль засмеялась, ложась к нему под бок. В отличие от нее, Малыш вчера ухитрился принять душ, и теперь благоухал гелем «Хьюго», от запаха которого она получала огромное удовольствие. Вот и снова он дома...

Вечером пожаловали гости. Хотя, будь Маринина воля, конкретно этих она дальше ворот не пустила бы. Но сдержалась: Егор разберется сам, без ее советов.

Самсонов, Ильинский, Абаев, Яценко, Щепкин... Они вошли гуськом, когда Марина с Егором сидели в гостиной. Он смотрел телевизор, а Коваль читала книжку, поджав в кресле ноги. Когда она их увидела, у нее, как говорится, шерсть встала дыбом – а уж зашипела Марина не хуже кошки и, поднявшись, вышла из комнаты. Даже дышать одним воздухом с ними она не хотела.

Они просидели у Егора часа два, о чем-то тихо рассказывая. Марина прошла в кухню за соком и случайно услышала, как Самсонов говорит Егору:

– И вообще, Егор, будь осторожнее с этой девкой, она тебе просто мозги затрахала, ты ничего не видишь, кроме ее сексуального тела. А внутри что? Она же настоящая бандитка, беспредельщица, не выбирает способов, по трупам идет, если ей надо. Егор, как друг говорю, присмотришься к ней повнимательнее, иначе...

– Иначе – что? – входя в комнату, спросила Коваль, в упор глядя на Самсона, заметно побледневшего при ее появлении. – Сказал «а», так скажи «б», ты ж у нас друг, оказывается! Только таких друзей надо в бетон укладывать.

– Думаю, тебе не привыкать, ты не раз такое проворачивала, – огрызнулся он.

– Правильно думаешь. Как твои глаза не лопнули за это время, что ты смотришь на Егора и знаешь, как пытался кинуть его? Не меня – его!

– Шла бы ты отсюда, Наковальня! – вспыхнул Самсон, но спокойный голос Егора заставил его поубавить прыти:

– Ты говоришь с моей женой, Самсон!

– Извини, Малыш, я не могу спокойно говорить с бабой, у которой нет ничего святого! Она замахнулась на наших детей...

– Что – на детей? – поинтересовалась Марина, садясь на подлокотник кресла, в котором развалился Егор. – Я что, обижала их, или мои люди сделали что-то не то? Были жалобы?

– Нет, что вы, – зачастил Щепкин, радуясь возможности сменить опасную тему. – Мой пацан прямо плакал, как домой вернулся...

– Заткнись, дурак! – оборвал его Самсон. – Речь не о том! Она посмела шантажировать нас детьми, вот что!

– Есть люди, которых только так можно вернуть с небес на землю. Согласись ты сразу – и не произошло бы ничего.

Я ведь предупреждала. Ты не хотел понять меня, и тогда я просто уравнила шансы.

Егор обнял жену за талию, внимательно глядя на своих компаньонов, а потом тихо, но внятно и жестко сказал:

– Все – вон. Я сказал: вон из моего дома.

Они не стали спорить, ретировавшись в считанные секунды, потому что знали, что Малыш в гневе – это на самом деле значительно хуже, чем Коваль.

– Не переживай, – сказала Марина на ухо мужу, потрепав его по волосам, – без них справишься.

– Я понял сейчас одну вещь, детка. Никогда не доверяй тому, кто тебе чем-то обязан, он не простит твоих добрых дел, – жестко произнес Егор. – Ты отдала свои казино за меня, а они не пожелали рискнуть тем, что принадлежит мне самому.

– Дорогой, это разные вещи. Я ради тебя могу отдать все, потому что нет у меня ничего дороже.

Егор задумчиво гладил ее ногу под халатом, и ей стало так хорошо оттого, что он снова дома, с ней, что ее потянуло на откровенные разговоры. Марина потянула его в спальню и, когда они легли в постель, сказала:

– Егор, мне нужно тебе кое в чем признаться, иначе я буду мучиться.

Он посмотрел на жену и улыбнулся, положив руку ей на живот:

– Что, детка, здесь кто-то побывал без меня?

Коваль виновато опустила глаза и кивнула.

– Дай угадаю! – весело продолжал муж. – Опять этот жгучий мачо с сексуальной походкой? А, прячешь глазки? Значит, он!

– Егор...

– Что – Егор? Ну, было и было. Неужели ты думаешь, что меня беспокоит тот факт, что моя любвеобильная девочка немножко сняла стресс и утолила голод с каким-то жеребцом? Это же смешно, малыш. Все равно, как если бы ты начала ревновать меня к проституткам.

– Ты серьезно? – удивилась она, в душе довольная тем, что разговор свернул на Карлоса, а не на Строгача, о котором собиралась рассказать.

– Конечно. Не мог же я думать, что за два месяца вот это сладкое тело не запросит мужской ласки, а? Я хорошо тебя знаю, дорогая. Но теперь я дома, и все буду делать сам.

Он целовал Марину, спускаясь губами по груди, прижимаясь к ней лицом, лаская ее руками. «Нет, таких, как Егор, в природе единицы...»

– Боже мой, я и забыл уже, какая ты на вкус, девочка моя, – простонал он. – Иди же ко мне... – он посадил ее сверху, не переставая ласкать грудь и живот, но она покачала головой:

– Ты забыл не только мой вкус, но и то, что в этой постели хозяин – ты, а я только игрушка. Тебя слишком долго не было, дорогой...

– На колени, Коваль! – велел Егор жестко, и она покорно

опустилась на колени, зная, что вот сейчас все пойдет как надо, как она любит.

– ...Господи... – выдохнул обессиленный Малыш, падая рядом с женой. Потом, протянув руку, взял с тумбочки бутылку текилы, неведомо как там оказавшуюся, и поднес к Марининым губам. Она, сверкнув глазами, обхватила горлышко и сделала пару глотков.

– Нет, ты точно ненормальная, – вздохнул Егор, забирая бутылку. – Тебе бывает достаточно?

– Разве мне может быть достаточно тебя? Нет, мне мало, мало...

– Не могу понять, почему ты постоянно будишь во мне что-то животное, не поддающееся никакому контролю, а? Что может нравиться в этом?

– Видимо, дело в том, что в жизни мне приходится принимать решения, подчинять себе толпу мужиков, быть сильной, жесткой. Я устаю от этого, Егор, мне так хочется побыть слабой, чтобы меня подчиняли, мной командовали и заставляли делать то, чего я не хочу. Опять же, не каждый мужик способен на это. Вот ты... Я с первой встречи поняла, что от тебя хочу и буду принимать все, и это доставит мне удовольствие. Ты оправдал мои надежды, дорогой. – Коваль говорила это, прикрыв глаза и наслаждаясь его нежными ласками. – Ты всегда знаешь, когда прижать меня, а когда отпустить и погладить, как сейчас.

Ее угнетало одно только – связь со Строгачом, о которой она не рассказала Егору, зная, что он не поймет. Это мучило ее постоянно, сводило с ума. Возвращаясь из офиса в субботу, Марина заехала в «Шар», велев повару упаковать ей с собой чего-нибудь вкусенького. Пока он суетился, она курила у машины, представляя, как приедет домой, накроет столик в каминной японскими штучками, они посидят с Егором, расслабятся. Но в голове все время вертелась мысль о том, что в любой момент может позвонить Строгач и приказать приехать к нему, и ей придется пойти на это, так как послушаться она не может. Вот только плакать нельзя, иначе Егор сразу заметит, что происходит с женой что-то, и раскрутит на разговоры. «Все, еще затяжка, сигарету в урну, все, все, возьми себя в руки, Коваль!» И это помогло – домой она явилась абсолютно спокойная, переделалась в короткий шелковый халат, подколола волосы кверху лаковыми шпильками. Покачивая бедрами, вошла в каминную, где горел огонь, и Егор сидел в кресле, удивленно глядя на заставленный японскими блюдами стол. Перевел взгляд на жену и спросил:

– Что это?

– Хочу побыть с мужем, отвлечься от всего. А что расслабляет лучше, чем японская кухня, горячее сакэ и неторопливый секс перед камином? – Марина обняла его за шею, запустив руки в вырез рубашки, погладив слегка грудь и губами прижавшись к седому виску.

– Странная фантазия, но красивая и заманчивая. Охрана

где?

– Нет никого, в сауну рванули, только те, кто на воротах, но они в дом не заходят. Мы с тобой совсем одни, любимый, совсем одни...

Она опустилась на колени на медвежью шкуру, Егор присоединился к ней. Они долго и неторопливо ужинали, а потом так же неторопливо любили друг друга прямо здесь же. Коваль старалась угадать каждое движение, каждое желание мужа и доставить ему максимум удовольствия. Ей это удавалось, как, впрочем, и всегда, ведь она тоже неплохо знала его. А потом в ней во весь голос орало чувство вины... И Коваль зализывала ее, как могла, эту свою рану... Уже в постели она поцеловала мужа в губы, прошептав:

– Ты, как всегда, неподражаем, любимый...

Засыпая в его руках, Коваль думала, что вот это и есть счастье – когда тебя понимают и принимают такой, какая ты есть, со всеми закидонами и странностями, не осуждают, что бы ты ни сделала, просто любят за то, что ты вообще есть. И, к великому сожалению, на это способны очень немногие. Вот ее муж, например, способен, его, кажется, даже забавляет то, что его красотка Коваль иногда позволяет кому-то, кроме него, получить удовольствие с ней. Но, возможно, это просто потому, что он знает о том, что Карлос, например, для Марины совершенно ничего не значит, просто жеребец – и все. Никакой угрозы браку.

Вот со Строгачом другая тема, он-то легко мог бы за-

ставить ее уйти, просто пригрозив причинить неприятности Егору, а всем хорошо известно, что ради Малыша Коваль сделает что угодно. Оставалось надеяться на то, что Серега не станет играть по таким суровым правилам, ведь толку от этого? Не сможет же он заставить Марину силой любить его!

Сон улетучился... Осторожно высвободившись из рук крепко спящего Егора, Коваль тихо вышла в каминную, закутив, села в кресло, поджав ноги, и долго смотрела в темное окно. И тут ее осенило: Ветка! Вот кто поможет разрешить эту проблему со Строгачом!

– О, где же я была раньше? – пробормотала Коваль, кутаясь в халат. – Если только она согласится, я сделаю два дела разом – отцеплю от себя Серегу и устрою Ветке личную жизнь того уровня, которого она заслуживает. Жаль, Строгач не в курсе, но это поправимо, лишь бы Ветка согласилась...

Хотя процентов на семьдесят она была уверена в ее согласии, а что – Строгач парень небедный, влиятельный, холостой, как и все «законники», опять же – блондин, что для Веточки фактор определяющий, как Марина успела заметить. «О, черт, когда же утро, я так с ума сойду от нетерпения!»

Кое-как дождавшись восьми часов, Коваль позвонила подруге. Ведьма, к ее удивлению, не спала, ответила бодро и радостно:

– Что, дорогая, в горе – ко мне, а в радости – и позвонить некогда?

– Вет, не обижайся – тут столько всего, что я до сих пор не могу в себя прийти. У тебя сегодня день приемный?

– А что, к Мартину закатимся?

– Спятила? – засмеялась Марина. – Какой, на фиг, Мартин! У меня дома свое шоу, до которого его мальчикам расти и расти!

– Везет! – позавидовала Ветка.

– Так я об этом и хочу с тобой поговорить.

– А, ну так бы и сказала сразу! Приезжай.

– Тогда – до встречи.

Коваль поднялась в спальню, где проснувшийся муж, как обычно, ждал утренней порции любви и ласки. Стоя через час под душем, Марина, глядя на бреющегося перед зеркалом Егора, сказала:

– Ты знаешь, я только теперь поняла, что мне повезло в жизни. И что я должна быть благодарна Мاستифу за то, что он свел меня с тобой.

– Мне не нравится это предисловие – за ним обычно следует что-то каверзное! – глянув на жену через плечо, сообщил Егор.

Она рассмеялась, выключая воду и выходя из душевой кабины, потерлась носом о его гладко выбритую щеку, пахнущую ее любимым «Хьюго», и взяла расческу. Егор обнял жену сзади за талию и в зеркало наблюдал, как она причесывает мокрые пряди.

– Ты у меня такая красивая, даже страшно.

– Хороший комплимент! – засмеялась она, щелкнув его по лбу расческой.

– Это не комплимент, это факт, – объявил муж, вдыхая запах египетского масла, которым пахли ее густые, темно-русые волосы. – М-м-м, вкусно! Возбуждает... Собираешься куда-то?

– Да, ненадолго. Я тут подружкой обзавелась благодаря Розану. Она ведьма.

Егор закатился так, что зеркало затряслось:

– Дорогая, зная тебя, не сомневаюсь. Уж коль скоро ты решила завести подругу, то она, разумеется, ведьма, а иначе как бы ей это удалось – к тебе приблизиться!

– Ты не смейся, – попросила Марина. – Когда ты ее увидишь, сам поймешь.

– Так ты к ней сейчас?

– Да, мне нужно кое-что обсудить, поскучаешь пару часиков один?

– Детка, у меня столько дел скопилось, что скучать некогда, пора в офис ехать.

Коваль внимательно посмотрела на мужа – перед ней стоял прежний Малыш, собранный, жесткий, решительный.

– Обещай, что не выйдешь из дому без охраны! – потребовала она. – Слышишь, Егор?

Он поцеловал ее в нос, увлекая за собой в столовую:

– Только ради тебя, дорогая!

Она не очень надеялась на его слова, поэтому позвонила

Розану:

– Серега, охрану Егору к дому через час. Сделаешь?

– Не вопрос! – откликнулся он. – Ты сама дома?

– Нет, я к Ветке уезжаю.

– Без меня не выезжай, скоро буду. Дело есть.

«Что еще за дело у него в воскресенье, – подумала Коваль, наливая себе кофе. – Опять хрень какая-нибудь».

Пока она торчала в гардеробной, выбирая, что надеть, приехал Розан. Они с Егором что-то обсуждали в гостиной, когда Марина появилась там в своих черных брюках и черном же пушистом свитере.

– Коваль, – недовольно поморщился Розан. – Глаза режет, ей-богу! Что ты вся в черном, как на похороны? Прикинь, Малыш, какая у нее теперь фишка – стоит немного зазеваться, поворачиваешься – а она стоит за спиной, вся в трауре своем, молчит и из-под челки глаза таращит. Аж мороз по коже, пацаны так вообще подпрыгивают. Нет, главное, только что никого не было, и – бац, Коваль! Кошмар просто!

Егор хохотал, а Коваль невозмутимо курила, глядя на своего зама именно так, как он и говорил – молча и из-под челки.

– Ты закончил ночной кошмар рассказывать? – поинтересовалась она наконец. – Может, тогда мы поедем уже?

– Поедем, – вздохнул Розан. – Малыш, охрана ждет, тачку подогнали, правда, не «Ауди» – «Чероки», но пока...

– Да ладно! – отмахнулся Егор. – Черт с ней, с «Ауди»,

дело не в статусе, а в безопасности.

– Ага, дошло до тебя наконец-то! – обрадовалась жена.

– Дорогая, опять же – только для твоего спокойствия! – пошутил он, обнимая ее и целуя. – До вечера! Розан, глаз не спускай, если что – ответишь!

Розан молча наклонил лысую голову. Они с Коваль тоже вышли во двор, и он велел садиться в его машину, что означало серьезный разговор один на один.

– Слышь, подруга, а дела-то у Малыша хреновые, – изрек он.

– В смысле?

– Под него роют.

– Менты или ОБЭП?

– Какие менты тебе! Хуже – кто-то из своих, кому-то он мешает. Тебя, кстати, не насторожило, что тебя похититель в лицо знал?

– Нет, – еще спокойно ответила Марина. – Меня в лицо многие знают.

– А я бы задумался, потому что ты его не знала. Следовательно, ему тебя кто-то показал, навел. И заметь – он не денег просил, ему контора Малыша была нужна! Даже названия фирмы, претендовавшей на «МБК», ты не знаешь, а ведь можно было пробить ее и выяснить, кто хозяин.

– Ой, ну ты умный, а все кругом лохи! – отрезала она. – Фирму эту сразу и ликвидировали. А еще скорее – адрес у нее липовый, живет какая-нибудь баба Нюра, которая и слы-

хом не слыхивала ни про какую фирму, что по ее адресу зарегистрирована. Глухая тема, Серега.

– Тогда думай, как будешь своего драгоценного Малыша опять грудью закрывать. Чует мое сердце, что не кончилось еще ничего. Кстати, а чего это ты к Виоле поперлась? – вдруг спохватился он.

– А тебе-то что?

– По кобелям опять? – съехидничал Розан.

– А ты переживаешь?

– Мне – что! Пусть теперь Малыш за тебя переживает, его жена – его и головняки.

Он затормозил у Веткиного дома, сказав, чтобы Коваль позвонила ему, как закончит.

Ветка встретила ее радостно, обняла, поцеловала:

– Слушай, да ты расцвела просто! Глаза блестят, улыбаешься! Тряпки эти только...

– Вета, не лечи меня, не надо – это не изменится.

Она понимающе кивнула и потащила подругу в гостиную, не дав даже снять шубу.

– Глеб, кофе! – крикнула она, усаживая Марину в мягкое кресло.

– Ветка, у меня предложение, – начала Коваль, не откладывая. – Хочу познакомить тебя с классным мужиком. Заодно ты его от меня отцепишь, а то, если Егор узнает, мне – песец!

– О-па! Ну, ты даешь, Маринка! С утра такое предложе-

ние. А что за мужик?

– Серега Строгач, слыхала?

– Что, тот самый? – удивилась Ветка.

– Да один он такой вообще. Сама понимаешь, дядя непростой, придется потрудиться на одном хорошо известном поприще, зато потом жизнь наладится, до самой смерти горя знать не будешь.

– Моей смерти или его? – поинтересовалась умная Веточка.

– Как повезет, – серьезно ответила Марина, что было абсолютной правдой. Образ жизни научил ее относиться к смерти довольно спокойно, быть готовой к тому, что в любой момент кто-то из ее людей, а возможно, и она сама, мог оказаться не на этом свете, а на том. «Издержки бизнеса», – объясняла она мужу.

– А у тебя с ним что? – продолжала допрос Ветка.

– Он помог мне вытащить Егора, я расплатилась, как смогла. А теперь боюсь, что он меня опять в койку потащит. Мне оно надо – при Егоре-то? А отказать я просто боюсь, он меня тогда грохнет. Или – что хуже – Егора. Вот и подумай.

– Попадалово, – согласилась Ветка. – Расскажи хоть, как он в койке-то, а то, может, и возиться не стоит?

– Да в порядке там все, успокойся! Возможно, не будь у меня Егора, рядом с которым любой кобель – просто мелкая шавка, я бы и не сопротивлялась.

– Понятно. И как ты это планируешь устроить?

– Вот тут проблема, он не подпускает к себе никого, не проверив сто раз, кто и что.

– Так о чем я тебе и толкую – предложи ему что-то, от чего он не сможет отказаться.

– Вета, вряд ли есть что-то, способное его удивить.

– Коваль, не разочаровывай меня! – попросила Ветка. – С твоей больной фантазией – да мужика не развести? Не поверю! предложи ему любовь втроем.

– Спятила? Можно подумать, он этого не делал никогда или не видел! – фыркнула Коваль, но Ветка резонно заметила:

– С кем-то, но не с тобой. Улавливаешь мысль?

– И ты предлагаешь мне и с тобой еще кувыркнуться?! Точно меня Малыш прирежет!

– Ой, не могу с тобой, что ж ты тупая такая! Не предлагаю я со мной спать, так, легкое шоу для нищих – пара поцелуев, не стошнит ведь, ну там – погладили друг друга, то да се... Главное, чтобы клиент созрел.

«Ой, твою мать, – подумала Марина. – Как же мне это не нравится, а выхода нет...»

А Ветка продолжала:

– Потом тихо отвалишь, он и не заметит, уж я постараюсь. Только надо все так разыграть, чтобы фальши не чувствовалось. Сможешь?

И тут Глеб, незаметно накрывший на стол и уже вышедший было из комнаты, вернулся, упал на колени, обхватил

Веткины ноги и, покрывая их поцелуями, зашептал:

– Вета, не бросай меня, не уходи, я сделаю все, что ты скажешь, все, что захочешь, не уходи только!

Вот это был финт! Ветка разозлилась так, что, казалось, ее голубые глаза начнут сейчас молнии метать в несчастного парня. Она так пихнула его ногой, что он отлетел в угол комнаты:

– А ну на место! Кто дал тебе право открыть рот? Какая у тебя Вета? Возомнил, что имеешь на меня право? Ты – на меня?!

– Слушай, хватит! – попросила Коваль, но ведьма разошлась не на шутку.

– Если я позволяю тебе прикасаться ко мне, это не значит, что ты мне ровня! Ты – никто, живой вибратор, потому что силикон я не выношу! Захочу сейчас – и ты опять на помойке окажешься, там, где тебя подобрали!

Бедный парень сидел, закрыв голову руками, словно Веткины слова были камнями, летящими в него. Марина испытала чувство жалости к нему, поднялась и, взяв Ветку за плечи, сильно ее встряхнула:

– Хватит орать! Успокойся, он ничего не сказал крамольного, чтобы так визжать.

Ветка вроде присмирела, но по-прежнему метала в сторону Глеба ненавидящие взгляды.

– Иди-ка отсюда, – тихо приказала Марина, и он послушно ушел, бросив на Ветку тоскливый взгляд.

Подруга схватила сигарету, глубоко затянулась, выпуская дым через ноздри, совсем как Баба-яга, и пробормотала:

– Довел все-таки, поганец!

– Что ты на него взъелась?

– Терпеть ненавижу, когда люди забывают, кто они и откуда выползли. Я его, как щенка, на улице подобрала, а он возомнил, что я без него теперь жить не смогу! Да где бы он был, если бы не я?! – раздувала ноздри взбешенная Веточка, и Коваль с удивлением смотрела на нее – не ожидала, что мягкая, нежная с виду блондиночка может быть такой фурией. – Нет, ты подумай только – ошивался возле моего офиса, голодный, оборванный, ни кола, ни двора, я его пожалела – мальчишка-то смазливенький, а теперь распрямился во весь рост...

– Короче, красавица, или ты замолчишь сейчас, или я сваливаю, меня муж ждет! – наконец не выдержала Марина ее воплей.

– Все, молчу, – моментально остыла ведьма. – Ты как, в порядке? Отошла от шока?

– Ой, как сказать, чтоб не обидеть... Но, думаю, час-полтора смогу выдержать, – вздохнула Коваль. – Если ты не будешь, конечно, очень усердно меня хватать за все места!

– Постараюсь, но не обещаю – очень уж ты притягательная! – ухмыльнулась Ветка.

– Дурная ты, Ветка! – засмеялась Марина, набирая номер Розана. – Серега, забирай меня.

Он приехал часа через полтора, за это время Коваль освоила почти всю бутылку. Увидев босса в веселом и игривом настроении, Розан выматерился:

– Ну, бля, опять?! Что Малышу врать будешь?

– А что врать, напилась, скажу, и все, имею право, – пьяно отмахнулась она, садясь в машину.

– Коваль, ты уймешься когда-нибудь или нет? Думаешь, Малыш станет долго терпеть твоё таскание по мужикам?

– Что?!

– А что, это называется как-то по-другому? – усмехнулся Розан. – Ты пьешь, гуляешь, спишь с кем попало...

– А по морде? – грозно спросила Марина, вперив в лицо заместителя взгляд.

– Вот-вот, ты только это и знаешь – по морде меня колошматить! Прислушалась бы лучше!

– Закрой рот и смотри на дорогу! – посоветовала она неласково.

Розан замолчал, поняв, что переборщил. Доехали в гробовой тишине, Коваль сразу рванула в душ и упала в постель, мгновенно отключаясь.

Утром Егор не стал будить жену, тихо встал и уехал в офис, а она блаженно растянулась на постели, досыпая. Ей было так хорошо и спокойно, словно не существовало никаких забот и проблем, только она и ее любимый муж. Но позвонил Розан, напомнив, как она заблуждается.

– Маринка, ночью в «Золотом орле» стрельба была, грохнули какого-то фраера. Менты тебя хотят – аж заходятся!

– А-а-а, боже мой! – застонала Коваль, берясь за голову – перспектива торчать весь день в вонючем ГУВД ей не улыбалась совершенно. – Чтоб они сдохли все разом!

– Вставай-вставай! – настаивал Розан. – Не разрулю я без тебя, уже еду!

Матерясь, она встала и пошла в душ. Уже из розановского «чирка» позвонила Егору:

– Не теряй меня, я у ментов.

– Что-то случилось? – обеспокоенно спросил он.

– Опять в моем казино стрельба была, там труп, надо ехать. Люблю тебя.

– Я тоже.

Сунув трубку в карман, Марина стала прикидывать, во что ей выльется эта перестрелка. Ясно, что недешево. Так и было – менты взгрели по полной, на десятку зелени.

– Не жалея, Коваль! – ухмыльнулся Гордеенко. – Ты себе еще накопишь, а у нас зарплата маленькая.

– Интересно, это с маленькой ментовской зарплаты ты справил себе новехонький «Форд Скорпио»?

– Ага! – нагло заявил мент. – Не ел, не пил, работал, рук не покладая.

– Сволочь... – процедила Коваль, вылетая из здания ГУВД. – Розан, давай в «Орел», посмотрим, что там.

На месте оказалось, что ушлые менты ухитрились снять

кассу казино, без малого двадцать штук баксов прилипло к рукам Гордеенко и его бобиков. Коваль со злости метнула в люстру бронзовую пепельницу, засыпав столы и пол осколками. Главное, ничего доказать было нельзя.

– Ну да ладно, я по-другому сделаю, – мстительно проговорила она и велела Розану послать пару пацанов помоложе к дому Гордеенко, а там аккуратно побить стекла и порезать колеса его новенькой тачки.

– Только без косяков и чтоб ничего нельзя было восстановить, – предупредила она Серегу, хотя это было лишнее – осторожный и грамотный Розан и сам прекрасно знал, что и как сделать.

Вечером они с Егором от души повеселились, слушая вопли полковника в программе «Криминал».

– А что ты хотел? – довольно улыбалась Коваль, глядя на экран. – Меня безнаказанно поиметь решил? Меня?! Не вышло.

– Ну, ты даешь, дорогая! Зачем тачку менту изуродовала? – подначивал Егор, наблюдая за ней с видимым удовольствием.

– Эта тачка стоит меньше той тридцатки, на которую он меня развел, – успокоила Марина. – И пусть докажет, что это моих рук дело!

– Пойдем, родная, я соскучился, – Егор взял ее за руку, увлекая за собой.

Подобное приглашение всегда действовало на Коваль гипнотически – она подчинялась мгновенно, предвкушая, как сейчас он разденет ее, опустит на постель и замучает, приговаривая свое любимое: «Да, вот так, моя девочка, вот так, да...» Ради этих минут она согласна была на все, отдаваясь в сильные руки мужа, отвечая на его ласки, отключаясь от всех проблем и становясь обычной женщиной, любимой и любящей. И только утром возвращалась на смену ей отдохнувшая и полная сил Наковальня, жестокая, властная стерва, не знающая жалости. Но это – только утром, а пока... Пока, глядя на полуприкрытые глаза Малыша, Марина видела, что и ему нравится это, что получает он удовольствие, сжимая в руках стонущую от его прикосновений и ласк такую всегда непокорную женщину, которая сейчас полностью была в его власти. И нет ничего такого, чего бы не сделала она по его приказу.

...Странная штука – любовь...

В пятницу, дождавшись, когда Егор уедет, Марина позволила Строгачу. Он удивился и обрадовался:

- Ты?! Не ждал!
- Как твои дела?
- Тебя это действительно интересует?
- Конечно, нет, – рассмеялась она. – Это для поддержания разговора.
- Я соскучился. Может, еще разок, а?

– За этим и звоню. Хочу предложить кое-что, только боюсь неправильной реакции.

– А ты попробуй, – посоветовал заинтригованный Строгач.

– Как ты смотришь на любовь втроем? Ты – и две женщины, – уточнила Коваль на всякий случай, чтобы не подумал, что она мечтает оказаться под его Хохлом.

Повисла пауза, было слышно, как он закурил.

– Ты серьезно?

– Конечно.

– Коваль, ты ненормальная. Ты что, спишь с бабами?

– Нет, но ради тебя могу поступиться принципами, – заохотала она в ответ. – Надеюсь, тебя это не шокирует?

– И не знаю даже.

– Тогда соглашайся, обещаю, что не пожалеешь.

– Хорошо, – решил Строгач. – Но еще пообещай, что будешь такая, как тогда.

– Как захочешь.

Она положила трубку и задумалась. Опять ей придется плести что-то Егору, но Коваль дала себе слово, что в последний раз.

С утра в субботу, навешав мужу лапши, а в душе вновь поклявшись, что никогда больше не станет делать таких вещей, Коваль сама села за руль «Хаммера» и унеслась, позволив по дороге Ветке и Розану. Заместитель осерчал, пригро-

звив рассказать о ее фокусах Егору, но вовремя передумал. Ветка ждала подругу на выезде из города, Марина посигнала, и фиолетовый «Фольксваген» пристроился в хвост, периодически отставая – мощность не та, да и водила Ветка аккуратно, не то что некоторые.

У ворот строгачевского особняка их притормозили охранники во главе с изумленно разинувшим рот Хохлом. Контраст был еще тот – высокая, худая шатенка в черном и нежная блондинка чуть пониже, белая и пушистая. Домино.

– Ух, ты! – протянул восхищенно Хохол. – Коваль, все отдам, только бы между вами оказаться!

– Рамсы попутал? – холодно поинтересовалась та, глядя ему в глаза.

Он смешался, пожалев о вырвавшихся словах, мгновенно вспомнил, кто перед ним, и пробормотал:

– Простите, Марина Викторовна...

– Другое дело, – одобрила она, похлопав его по щеке, для чего, правда, пришлось встать на цыпочки. – Проводи нас.

Хохол довел их до сауны, где маялся от любопытства Строгач, лежащий на диване в халате и с рюмкой водки в руке.

– Алло, товарищ, мы так не договаривались! – покачала головой Марина, забирая у него спиртное. – Терпеть не могу, когда на меня дышат перегаром. Знакомьтесь: Сергей – Виола, – представила она и повернулась к застывшему в дверях Хохлу: – Ну, обыщи, чтоб чего не вышло!

Коваль распахнула шубу, под которой был черный кружевной топ, и, видя, что Хохол медлит, подошла к нему ближе и сама положила его руки себе на грудь. Он вздрогнул и замер, держался за грудь, не в состоянии отпустить. Марина насмешливо смотрела ему в глаза, забавляясь растерянностью – определенно, эта зверюга ее боялась.

– Хохол! – рывкнул Строгач. – Забыл, кто ты и где твое место?

Он убрал руки и вышел, прикрыв дверь, а Строгач подошел к соблазнительным красоткам, целуя обеих.

– Что стоите, девочки?

– Присматриваемся, – промурлыкала Ветка, проведя пальчиком по его щеке и сунув его в рот.

«Елки, как в дешевом порно! Видел бы меня сейчас муж!» – про себя простонала Коваль, закатив глаза.

Ветка тем временем скинула шубку, демонстрируя белое кружево короткой маечки и свою небольшую грудь. Глаза у Сереги вспыхнули, и Марина поняла, что не ошиблась. Ветка – именно то, что ему надо. Ведьма подвела его к дивану, сдернула халат и усадила, а сама вернулась к Коваль, шепнув на ухо:

– Ну, терпи, дорогая, шоу начинается!

О, она терпела, сжав зубы и закрыв глаза, чтобы только не видеть Веткиных рук, скользящих по ней, и восхищенных зрелищем глаз возбужденного донельзя Строгача, стонущего на диване. Наконец Ветка раздела ее, и сама, скинув свои

тряпочки, присоединилась к ним с Серегой. Шоу удалось – Строгач размечтался так, что Коваль еле сумела вырваться и встать с дивана, чтобы ретироваться, пока не началось.

– Серега, мне пора...

– Оставь свою подругу погостить, я так и не успел узнать ее поближе, – попросил он хрипло, целуя Марину в шею под влажными волосами.

– Это не моя собственность. Спроси ее, захочет ли, – равнодушно сказала она, мечтая об одном: поскорее убраться отсюда, завалиться в джакузи и смыть с себя все это.

– Почему нет? – подмигнула ей Ветка. – Я совсем не против более близкого знакомства...

– Ах ты, умница! – обрадовался Серега и заорал: – Хохол! Марина Викторовна уезжает, проводи! – и добавил Марине на ухо: – Ты удивительная, Наковальня, жаль, досталась Малышу, а не мне...

Эта фраза ей совершенно не понравилась.

Вернуться она успела раньше, чем Егор, сразу завалилась в джакузи с пенкой и сделала воду погорячее. Там он ее и нашел, обеспокоенно потрогав лоб:

– Что-то ты бледная, не заболела?

– Голова что-то... – пробормотала Коваль. И тогда он вытащил ее, завернув в полотенце и унося в спальню.

– Может, чаю сделать?

– Да, зеленого, – в последнее время Марина предпочитала

именно его.

– Полежи пять минут, я принесу.

Егор спустился в кухню, а Коваль начали мучить угрызения совести: мало того, что опять чуть было не изменила ему, так еще и больную разыгрывает, заставляя мужа ухаживать за собой! Человеческая наглость, в принципе, не знает пределов, а уж ее-то...

Принеся чашку горячего чая, Егор прилег рядом с женой, положив голову ей на колени.

– Что с тобой, Егор? – спросила она, согревая о чашку руки.

– Ничего, устал просто. Дел много, бумаги, бумаги. Встала стройка на водохранилище, помнишь?

– А что там?

– Да заказчик что-то мутит, – вздохнул муж, целуя ее колено. – Не бери в голову, у тебя своего хватает.

– Хочешь, я помогу? – предложила Марина, обеспокоенная его проблемами.

Егор засмеялся и отрицательно покачал головой:

– Нет уж! Опять наберешь заложников? Спасибо, малыш, я сам разберусь. Как голова, получше?

– Да, спасибо... – Какая, к черту, голова – совесть у нее болела, а это от чая не проходит.

– Давай спать пораньше ляжем сегодня, как нормальные люди, – предложил он, убирая покрывало. – Все, родная моя, укладывайся.

В эту ночь он просто спал рядом, обняв Марину и стараясь не шевелиться даже, чтобы не тревожить. Пока он дремал утром, она тихонько спустилась на кухню, сварила кофе и приготовила салат с креветками, которые Егор мог есть сутками и в любом виде. Поставив все на поднос, вернулась в спальню. Малыш еще не проснулся, и она, сидя рядом, вглядывалась в его красивое лицо на черном шелке наволочки. Сколько же пережил из-за нее этот человек, страшно подумать! Но, сам долго находясь в криминальном мире, он прекрасно понимал и прощал все, зная, что войти гораздо проще, чем потом выйти. Возможно, его не особенно устраивал род ее занятий, но и ставить жену перед выбором он не считал для себя позволительным. И за это тоже Коваль была ему благодарна, так же, как за безграничную любовь и потрясающий секс...

Она так задумалась, что не заметила, что Егор уже давно не спит, а наблюдает за ней с улыбкой:

– Сегодня что – праздник?

– Вроде бы нет.

– Тогда что значит этот завтрак в постель, приготовленный и лично поданный самой прекрасной стервой в мире?

– Только то, что она устала быть стервой и хочет побыть просто женой владельца строительной корпорации. Просто женой, – улыбнулась Марина, потрепав мужа по волосам. – Могу я захотеть приготовить любимому человеку завтрак?

– А ты уверена, что не добавила в салатик чего-нибудь

этакого, забывшись? – поинтересовался Егор, беря вилку.

– Зачем ты так? – серьезно спросила она.

– Ну, прости, прости дурака, малыш, я неудачно пошутил, – виновато проговорил он, целуя ее руку. – Я рад, что ты хочешь побыть со мной, это так редко удается.

– Смотри – я даже все телефоны выключила, и домашний – тоже. Пошли все к черту! Поедем в город вдвоем, без охраны, просто погуляем в парке, мы сто лет не делали этого, да и вообще...

– Детка, вот без охраны не выйдет у нас, я не хочу подвергать тебя риску, ты у меня слишком известная личность, – улыбнулся Егор.

Дело было даже не в охране – она слишком хорошо обучена, чтобы мешать, делала все незаметно. Просто Коваль вдруг подумала о том, что при всей своей крутизне, власти и деньгах она лишена главного – вот этой самой возможности просто пройти вдвоем с мужем по городу без риска быть убитой, посидеть где-нибудь в кафе, не опасаясь, что ее «заказали», и в еде запросто может оказаться что-нибудь. Словом, нет в ее жизни простых человеческих радостей. А иногда их так хотелось...

Они провели чудесный день, прогуливаясь по городскому парку среди старых огромных деревьев и вдыхая пахнущий уже весной воздух. Телохранители следовали на почтительном расстоянии, но все равно их присутствие сегодня почему-то особенно сильно раздражало Марину.

– Детка, тебе нужно перестать носить черное, – сказал вдруг Егор, обнимая жену за плечи и глядя ей в глаза. – Ты слишком уж странно выглядишь, хотя, спору нет, эффектно.

– Я не могу, Егор, не проси. Когда нашли твою сгоревшую «Ауди», все краски для меня смешались в одну, и до сих пор я вижу все в черном цвете. Возможно, это пройдет, но пока...

– А ты слышала, как называют тебя теперь?

– Черная Вдова, я знаю, – улыбнулась она, доставая сигареты.

– Между прочим, раньше у тебя не было клички, дорогая, – заметил муж, щелкая ее по носу, и Марина, подняв голову и глядя в его улыбающееся лицо, сообщила:

– Ну как же не было? А Наковальня? Да мне нет до этого никакого дела, пусть говорят, что хотят.

Вернувшись, они, не откладывая, поднялись в спальню, и там Коваль, толкнув Егора на постель, принялась медленно раздеваться, глядя в его восхищенные глаза. Муж не выносил бездействия, хватая ее и врываясь властно, подчиняя своей силе и желанию. Он мучил ее всю ночь, не давая отдышать, даже выкурить сигарету, оказывался то у губ, то сзади, не прерываясь, словно хотел продемонстрировать все, на что способно его мускулистое тело. Она даже стонать не могла, только тяжело дышала и облизывала пересохшие губы, и ухитрилась даже отключиться ненадолго...

– Егор, я устала...

– Потерпи немного, родная, я скоро, – прошептал он. – Мне мало тебя сегодня, хочу еще и еще...

Словно второй медовый месяц...

...Если бы знать все заранее, Коваль не выпускала бы его из постели сутки, умерла бы под ним... если бы только знать...

Егор уехал часов в одиннадцать, а в час к Марине ворвался Розан с бешеными глазами и замер на пороге, не говоря ни слова. Она, увидев эти глаза, громко и четко сказала:

– Я не хочу этого знать.

– Он в реанимации, Маринка...

Одевшись за пять минут, Коваль села в «Хаммер», и три машины рванули в город, к зданию больницы, где она работала когда-то. Охрана попыталась не пустить, но, оценив количество телохранителей, отошла. В коридорах от Марины шарахались – она летела черной вороной, ничего и никого не видя перед собой. Вошла в ординаторскую, открыв дверь ногой – не до церемоний было в тот момент. Заведующий узнал ее сразу – не так давно она сама умирала здесь.

– Коваль, – поднялся он ей навстречу. – Держись, дорогая, мы все сделаем, что можно...

– Коля, сделай все, что нельзя, я не пожалею ничего. Егор должен жить, иначе я сровняю эту богадельню с землей, я не шучу.

Он помнил все это еще со времен ее работы здесь, а лю-

ди редко меняются в лучшую сторону. Тем более такие, как она...

– Проводи меня к нему, – уже не глядя на Кольку, велела Марина.

Малыш лежал в отдельном боксе, опутанный проводами и датчиками, грудь, живот и левая рука – сплошные повязки. Он спал после наркоза, лицо было бледное, бескровное какое-то.

– Все – вон! – приказала Коваль, и ее мальчики мигом вытолкали из палаты врача и сестру, только Розан остался. Марина села возле кровати, неотрывно глядя на мужа.

– Кто тебя так, родной мой, за что? – и вдруг ее посетила мысль: «А если это Строгач?» – Вот это зря он затеял, я ж не остановлюсь, пока не рассчитаюсь! – пробормотала она и вскочила: – Розан, троих к двери, не пускать никого, кроме сестры и заведующего! Я вернусь через пару часов.

Макс с Лехой еле успевали за хозяйкой, она высадила водителя и завела мотор. «Хаммер» рванул, разгоняясь с места, Марина утопила педаль газа в пол и неслась не хуже Шумакера. До Серегоиного особняка она долетела минут за двадцать, отпихнув охрану, ворвалась в дом и схватила ничего не понимающего Строгача за отвороты черного пиджака:

– Если это ты, сволочь, если только это ты...

– Коваль, ты что – сдурела там со своим Малышом?! А ну, руки убери! – приказал он, разозлив ее еще больше этим упоминанием о Егоре.

– Руки?! Руки убрать?! Да я не руки, я тебя уберу сейчас, понятно?! – Коваль уже не контролировала себя, ей было все равно, кто перед ней. Но тут сзади ее ударили чем-то по затылку, и она рухнула на пол, как подкошенная. Сквозь шум и звон в ушах слышала, как орет Строгач:

– Ты что, тварь?! Ты кого по башке отоварил, падла?! Кто просил вмешиваться, козел беспонтовый?

– Строгач, она ж тебе угрожала... – бормотал Хохол – это он ее так приласкал.

– Она?! Кому – мне?! У нее что-то случилось, иначе не приехала бы! Сволочь, голову разбил – кровит затылок! Что смотришь – лед неси, паскуда!

– Не надо, – простионала Марина, садясь и ощупывая горящую огнем голову. – Больно...

Строгач засуетился, усаживая ее на диван и снимая шубу.

– Прости, дорогая, Хохол не подумал. Но ты тоже хороша! Что происходит?

– Серега, честно скажи – ты имеешь отношение к этому? – морщась от боли и подкатившей тошноты, спросила Марина.

– Да к чему?! – заорал Строгач. – Толком говори, задала загадками!

– Малыш в реанимации, в него шесть пуль вогнали, кто бы это был, а?

– Ты за базаром-то следи, женщина! – снова рывкнул Строгач. – Даю тебе воровское слово, что не трогал твоего Малыша!

– Тогда – кто?

– Я тоже хочу это знать. А мочить правильного человека из-за бабы, даже из-за такой, как ты, Коваль, это – запаadlo.

– Спасибо, успокоил. Ладно, мне ехать надо.

Она попыталась встать, но голова кружилась, и тошнило все сильнее. Строгач предложил:

– Останься здесь, отлежись, а я людей заряжу, поищут концы.

– Нет, я сама, – отрезала Марина, морщась от боли. – Скажи, пусть Макс мой меня заберет – идти не могу.

– Упрямая ты стерва, Наковальня! – вздохнул Серега.

– Какая есть, другой не буду.

Макс осторожно поднял хозяйку на руки и, донеся до джипа, уложил на заднее сиденье. Она опустила разбитую голову ему на колени и велела ехать в больницу. Но, едва машины тронулись, зазвонил телефон – это был Розан.

– Коваль, ты где? – заблажил он возбужденно. – Фартит нам – в ГУВД сидят киллеры наши!

От его ора зазвенело в ушах, Марина морщилась и не могла понять, о чем он.

– Не ори! Я не глухая. Дело говори.

– Прикинь, как повезло – этих двоих на посту гаишники за превышение тормознули, а у них в машине – три ствола, и один – недавно работавший!

– А с чего ты взял, что это они – Егора?

– Свидетель нашелся, номер тачки мне шепнул.

– Вынимай этих у ментов, я скоро подъеду! – распорядилась Коваль, мечтая только об одном – чтобы сейчас ее оставили в покое.

– Нет, подруга, это уж ты сама давай, Гордеенко – твой приятель, а не мой! – заржал Розан.

– Ладно, жди, подъеду сейчас. Юрка, в ГУВД, – сказала она, закрывая глаза и мучаясь от новой волны тошноты и боли.

Заметив ее побледневшее лицо, Макс вынул аптечку и дал пару таблеток обезболивающего, протянув бутылку минералки. Кое-как проглотив это, Марина опять закрыла глаза, пробормотав:

– Толкни меня, как приедем.

– Да, Марина Викторовна, вы лежите пока. И надо рану обработать.

– А, фигня – ссадина... – отмахнулась хозяйка, но педантичный телохранитель осмотрел рану и присвистнул:

– Да там полголовы снесено, ничего себе – ссадина! – и, зажав Маринины руки, Макс приложил к ране тампон с перекисью. Коваль зашипела от боли:

– Ты фашист! Сволочь!

– Потерпите, я хоть кровь сотру, а то смотреть страшно, – безапелляционно заявил он, ловко орудуя ватными тампонами.

В здание ГУВД она вошла, опираясь на Макса, иначе просто свалилась бы. Гордеенко встретил неласково:

– Чего тебе, Коваль?

– Макс, выйди, – велела Марина, и он, усадив ее на стул, ушел. Она подняла глаза на полковника:

– Игорь Иванович, ты ж нормальный мент, давай договоримся.

– О чем?

– Отдай мне тех, кого тебе гаишники днем слили.

– С какой радости? – удивился он.

– Я тебя прошу, – тихо проговорила Коваль, глядя в хитрые зеленые глаза полковника. – В долгу не останусь, ты знаешь меня.

– Да знаю, Коваль, знаю, – отмахнулся тот. – Только в толк не возьму – зачем они тебе? Шпана залетная, к тебе никак не относящаяся. Ну, два «калаша» и «макар» в машине, так этого добра и у тебя полно в твоём «Хаммере» навороченном, вы ж без стволов спать не ложитесь, поди? Объясни, что к чему, иначе нет разговора.

– Они деньги мне должны, – произнесла она волшебное для Гордеенко слово.

– Много?

– Нормально – сто штук «зелени». Поделюсь пополам.

– Забирай. Но бабки – вперед, – предупредил он.

– Через час, – твердо пообещала Коваль, сжав зубы от боли в голове. – Но чтобы без вопросов – никаких следов, никаких протоколов о задержании, вообще ничего. Попробуешь надуть – пожалеешь.

– Не волнуйтесь, Марина Викторовна! – заулыбался Гордеенко. – А что-то бледная вы такая? Плохо чувствуете себя?

– Головой в машине ударилась, – пробормотала она, выходя из кабинета.

Макс бросился к хозяйке, подхватывая, чтобы не упала на затоптанный пол, она из последних сил прошептала:

– Пусть Розан через час привезет сюда полтинник баксов и грузит этих в подвал, мне к Егору нужно... – Это было последнее, что она успела сказать, теряя сознание.

Очнулась Коваль в больничной палате, не сразу сообразив, что здесь делает. Рядом с ней в кресле сидел Макс с журналом в руках, в вене правой руки торчала игла капельницы, затылок был заклеен повязкой. Решительно избавившись от капельницы, Марина встала, качаясь, и пошла к двери, но Макс догнал ее одним прыжком и, схватив в охапку, вернул на место.

– Нельзя вам, Марина Викторовна, врач запретил подниматься, у вас сильный ушиб.

– Не лечи нейрохирурга! – велела она, отбиваясь. – Нет у меня ничего, мне к Егору нужно.

– Я не пушу, даже если придется применить силу, – твердо сказал Макс.

– Я уволю тебя! – пообещала Марина, но он не сдался.

– Ваше право, но я все равно не пушу. Я за вас отвечаю.

– Черт, баран упертый, – пробормотала она. – Макс, ну,

пожалуйста, будь человеком! Я только посмотрю, как он, и вернусь, обещаю!

Хозяйка смотрела умоляюще, и сердце телохранителя дрогнуло:

– Хорошо, только недолго.

Возле бокса, где лежал Егор, сидели розановские пацаны, вскочившие при виде Коваль. Она вяло отмахнулась и вошла внутрь. Егор по-прежнему был без сознания. Марину это обеспокоило, она присела рядом, взяв здоровую руку мужа в свои. Никакой реакции, даже пальцы не дрогнули.

– Егорушка, – зашептала она. – Это я, я с тобой, не волнуйся, родной мой. Я буду рядом, я всегда буду с тобой, что бы ни случилось.

Коваль наклонилась к его лицу, ощутив теплое дыхание, коснулась губ. В коридоре тихо переговаривалась с медсестрой охрана, не пуская ее в палату.

– Постой здесь пока, – басил Дрозд. – Там жена, пусть еще минутку побудет, имей сочувствие!

– Мне уколы делать надо, – возмущалась девушка. – Какая жена еще?

– Детка, не груби, не надо, у него жена – женщина серьезная, лучше не злить, а то жалеть потом придется.

– Да мне-то все равно, кто у него жена, я на работе, пустите меня!

– И мы, золотая, на работе, и хозяйка нас не погладит, если мы ей помешаем! – убеждал Дрозд.

Марина со вздохом встала и открыла дверь, впуская медсестру в бокс:

– Я уже ухожу. Что вы ему колете?

– Это антибиотики и обезболивающее. Вы не переживайте, я ночевать здесь буду, заведующий велел, я прослежу, чтобы все было в порядке, – заверила она.

– Я надеюсь. Тебе заплатят за это отдельно. Макс, мне плохо, помощи...

Тот подбежал, не дав упасть, повел в палату. Беспокойной пациентки уже хватились – по коридору носился доктор Арбузов, весь в мыле и гнев:

– Где ты бродишь? Я ведь велел тебе лежать!

– Велел? – переспросила Коваль, надменно вздернув брови. – А кто ты такой, чтобы что-то велеть мне? Я ухожу отсюда завтра же, я вообще не понимаю, как и зачем здесь оказалась. У меня много дел, а больничный мне не нужен.

– Если вы уйдете, то я не несу ответственности за вас! – официально и сухо заявил Арбузов.

– Вот и хорошо, а то проотвечаешься ненароком.

В палате она легла на постель и сразу уснула, утомленная этим бесконечным, тяжеленным днем.

Из больницы Коваль уехала на следующий же день, наплевав на все предостережения врачей. Прежде чем поехать в «Рощу», зашла к Егору, там все оказалось без изменений, он по-прежнему не желал приходить в себя. Марина поговорила и с заведующим реанимацией, но он тоже не сказал ниче-

го утешительного...

На крыльце больницы курил, поджидая ее, Розан.

– Хреново выглядишь, подруга дорогая! – обрадовал он своими наблюдениями, словно без него Коваль себя в зеркале не видела.

– Отвали, мне не до этого! Поехали.

– Ты мне скажи все-таки, кто тебя так отоварил? – не отставал он.

– Хохол, телохранитель строгачевский, – беря сигарету, ответила Марина.

– Бугай безмозглый! – посочувствовал Розан. – Очень плохо себя чувствуешь?

– Лучше, чем Егор! – отрезала она, прекращая разговоры на медицинскую тему.

Розан привез ее в «Рощу», и во дворе его коттеджа Коваль увидела разминающего огромные ручки Вилли – злобно-го и жестокого изверга, при одном взгляде на которого мороз продирал по коже. В бригаде ему отводилась одна из самых малоприятных работ – Вилли был «штатным» палачом, его всегда задействовали на публичных разборках или когда нужно было быстро вытрясти из кого-то информацию.

– Здорово, Вилли! – процедила Марина, сунув в зубы очередную сигарету.

– Здрасьте, Марина Викторовна! – гаркнул монстр так оглушительно, что у нее в ушах зазвенело.

– Не базлай, придурок! – осек его Розан. – У нее голова разбита, плохо ей и так!

– Так это, может, руки подровнять кому, вы скажите, я мигом, – предложил добрый и душевный парень, но Коваль отказалась.

Розан вынес во двор кресло, усадил хозяйку, заботливо укрыв ее ноги пледом, Марина надела темные очки, чтобы мартовское солнце не слепило, и попросила чашку кофе с коньяком.

Пока Макс варил его, обратилась к монстру:

– Вилли, ты только давай осторожнее, сначала мне нужно имя заказчика вытрясти, понял? Грохнуть их мы успеем, торопиться некуда. Но имя, имя, Вилли!

– Да нет проблем! – заверил он.

Это точно – общение с ним редко кто выдерживал дольше получаса, этот зверь мог выбить глаз одним ударом, отбить печень и почки, не оставив следов, а уж если кто-то имел раны на теле... Об этом даже далеко не слабонервная Коваль не могла думать без озноба. Зрелище было ужасное, да и звуковое сопровождение – тоже, а потому пришлось ей подготовиться к предстоящей экзекуции, опрокинув почти полный стакан коньяка.

– Розан, давай! – махнула Марина заместителю, но он медлил. – Ну? В чем дело?

– Может, ты в дом все же пойдешь? Знаешь ведь, сейчас будет тут мясокомбинат на гастролях... – предложил он

нерешительно.

– Так, что за базар, я не поняла? – заорала Коваль, вцепившись в подлокотники кресла. – Я не барышня кисейная, если надо, сама не хуже Вилли отработаю, я за Егора порву кого угодно! Сюда их, я сказала!

Розан вздохнул и дал отмашку пацанам, сидевшим на лавке у ворот гаража, где и находился подвал, в котором содержали киллеров.

– Обоих? – спросил кто-то.

– Давайте обоих, так легче разговаривать, – распорядился Вилли.

Дрожащих от подвального холода парней пинками выгнали во двор, они озирались вокруг, разглядывая окруживших их кольцом людей. Коваль курила, сидя в кресле, ждала, когда пацаны наиграются, наслаждаясь ужасом и страхом в глазах обреченных. Наконец ей это надоело.

– Ну-ка, покажите мне этих лохов! – лениво произнесла она, и пацаны расступились, открывая ее взгляду жмущихся друг к другу парней. – Здорово, архаровцы! Надеюсь, вам у меня понравилось? Так спешу разочаровать – на этом мое гостеприимство и закончилось, теперь начнется совсем другая сказка. Но помочь немного сократить мучения могу, если сразу услышу имя того, кто вас послал.

Повисла пауза, было слышно, как тяжело они дышат, представляя, что с ними может произойти дальше.

– Я жду! – напомнила Коваль. – А ждать не люблю страш-

но.

– Вы путаете что-то, девушка, – начал с заметным украинским акцентом тот, что постарше. – Мы и понятия не имеем, о чем речь.

– Я вижу, что вы понятия не имеете, иначе знали бы, что за каждое слово отвечают. Клянусь, я вас научу напоследок. Сам скажешь, кто заказал Малыша, или помощь тебе требуется?

– Я не знаю никакого Малыша...

– Да? А мужа Наковальни ты знаешь?

Пленник выпучил глаза, и стало ясно, что, может, Малыша он и не знал, но про Наковальню слышал однозначно.

– Ну, не молчи, болезный, – подстегнула она, глядя из-под упавшей челки прямо в бегающие глаза неудачливого киллера. Тот молчал. – Извини тогда, братан! – вздохнула Марина. – Вилли, давай!

Через пару минут окровавленный парень корчился на грязном снегу, зажимая рукой то место, где раньше было правое ухо, которое урод Вилли бросил в костер. Коваль поморщилась от запаха:

– Вилли, я шашлык не заказывала!

– Не буду больше! – детским голоском пискнул он, вызвав хохот у братвы.

Второй киллер с заклеенным скотчем ртом глядел выпученными от страха глазами на лежащего напарника. Он перевел на Марину взгляд, надеясь, видимо, что слабонервная

женщина прекратит это безобразие, но это не значилось в ее планах. Вилли одним ударом, каким-то неуловимым движением выбил парню глаз, Розан за спиной Коваль матерился сквозь зубы, а она словно окаменела, не было ни страха, ни безразличия, ничего. Егор, весь в бинтах и без сознания, стоял перед ее глазами, и этих двух козлов Марине было совершенно не жаль.

– Я на куски тебя порву, если будешь молчать, – пообещал Вилли, вынимая огромный десантный нож, которым орудовал лучше, чем ложкой и вилкой. Обезумевший от боли парень закрыл оставшийся глаз и замычал что-то невнятно.

– Рот освободите ему, – сказала Коваль, снова закурив.

Вилли дернул скотч, и парень, собрав последние силы, пополз к ней, оставляя за собой кровавые полосы.

– Умоляю... прекратите... вы же женщина...

Марина уперлась носком сапога в его подбородок, поднимая голову, и тихо сказала:

– Я не женщина, братан. Меня бесполезно брать на жалость – я просто не знаю, что это. Скажи то, что я прошу, и умрешь без дальнейших мучений.

Этот дурак молчал, прикрывая чью-то задницу, и тогда Вилли со всей дури всадил ему тесак в грудь, кровища брызнула во все стороны, киллер дернулся и затих.

– Готов, – констатировал Розан.

– Вилли, ты что, бля, слов не понимаешь?! – заорала Коваль, чувствуя, как снова заболела голова. – Я что, сказала

мочить его?

– Не рассчитал...

– Ну, так со вторым рассчитывай, будь так добр!

Со вторым пошло веселее, и минут через десять он, прежде чем отдать концы, промычал разбитым ртом имя заказчика, повергшее Марину в шок. Самсон. Самсон, неблагодарная сволочь! У нее глаза налились кровью, она заблуждала, вскочив из кресла:

– На квартиру к Самсону, на дачу, в офис – куда хотите, сгребайте всех на хрен и, главное, гниду эту мне сюда! Что встали?!

Братва рванула по машинам не хуже своры гончих, пара минут – и нет никого, двор опустел, а Коваль, почувствовав, что сейчас ее вывернет наизнанку, зажав рот, кинулась в туалет. Вышла, держась за стены, бледная, как смерть, испугав бросившегося к ней Розана:

– Тебе плохо? Коваль, не молчи – плохо?

– А сам не видишь? – окрысилась она. – Домой отвези меня, я полежу немного, и к Егору.

– Здесь будешь лежать! – заявил Розан, беря ее на руки. – На глазах у меня!

– Пусти, сама пойду! – Но он не выпустил, отнес в свою спальню, опустил на постель. Присел рядом, стягивая сапоги и джинсы. Марина осталась в черных колготках и водолазке, в спешке натянутой вчера на голое тело, и Розан понял это, глядя на выпирающие под тонким шелком соски, но Коваль

внимательно посмотрела на него и тихо сказала:

– Убью, сволочь!

– Не бойся, не трону – не до этого сейчас, – вздохнул он, укрывая ее одеялом. – Ты поспи хоть пару часов, а то зеленая вон вся. Побереглась бы немного, а? – попросил он вдруг жалобно. – Нельзя же так!

– Перестань, Серега, не расслабляй меня, я и так из последних держусь, еще чуть-чуть – и сорвусь, на фиг.

– Ладно, спи, – он задернул шторы на окнах, создав приятный сумрак, и уехал за пацанами.

Когда она открыла глаза, выныривая из объятий сна, Розан сидел в ногах с расстроенным лицом.

– Что?! Что с Егором?! – подскочила Марина, но он уложил ее обратно:

– Не кипи, там все по-прежнему, ему не хуже.

– Тогда – что?

– Фигня, дорогая, – Самсон исчез, с семьей испарился, все счета свои выгреб подчистую, – огорченно сообщил он.

Коваль застонала от бессилия, молотя руками по подушке, а потом из ее груди вырвался такой крик, что Розан зажал уши:

– ...твою мать!!! Сука, ушел все-таки!

– Не переживай, нет такого места, где бы его нельзя было достать, найдем! – пообещал Розан. – Теперь главное – Малыша поднять.

– Распорядись койку мне к нему в бокс поставить, я с ним

буду.

– Не надо тебе там самой сидеть, давай найдем кого-нибудь.

– Спятил? Я никому не доверю его, он мой, сама все сделаю! – возмутилась она.

– Дел полно...

– Так разберись! А я должна быть с мужем, это мое единственное дело.

Коваль переселилась в больницу, не обращая внимания на протесты врачей. Егора смотрели лучшие специалисты, но в прогнозах осторожничали, всех, как и жену, беспокоило то, что он никак не желал выходить из своей странной комы, хотя ни одно обследование не показало травмы головы. Доктора побаивались Марину, понимая, что и так-то она не ангел, а тут еще и ушиб... Розан хохотал, рассказывая, что у него интересовались наличием у Коваль оружия. Он приезжал каждый день, таскал еду из «Шара», но она так мало ела, что Серега все время ее ругал. Ветка тоже приезжала. Она перебралась к Строгачу, от него и узнала обо всем.

– Повезло же тебе, дорогая, – заявила она в первый же свой визит, глядя с завистью на безмолвно лежащего Егора. – Какой классный мужик у тебя! Завидую!

– Оставь это, Ветка, не до того мне сейчас, только б выжил... – тяжело вздохнула Коваль, сейчас совсем не похожая на ту, прежнюю, настолько вымотали ее тревога и пережива-

ния.

– Не волнуйся, – она уставилась в неподвижное лицо Егора, долго стояла, замерев, а потом сказала: – Он очнется, увидишь, просто не время пока. Жди – все будет.

Марина не выдержала и разрыдалась, прижимаясь к ней и заливая слезами белую шифоновую блузку.

– Пойдем-ка покурим, – увлекла ее за собой подруга.

Они сели в курилке на подоконник, Марина вынула пачку и постаралась взять себя в руки.

– Ну, что про себя расскажешь, раз уж про меня все ясно?

– А что? Нормальный мужик, сказка, можно сказать, – улыбнулась Ветка. – Только, по-моему, на тебе слегка сдвинутый.

– Ревнуешь? – щелкая зажигалкой, поинтересовалась Коваль.

– К тебе? Нет. Я же знаю, что он-то тебе не нужен, – пожала она плечами. – Просто сравнивает все время с тобой, а так... Пока помолчу, дальше видно будет. Тачку вот поменял мне, стыдно, говорит, что любовница на дешевой машине гоняет, «бэшку» купил. По статусу, говорит, подходит.

– Привыкай, у нас все так: статус, положение, понятия... – усмехнулась Марина. – Ты приезжай ко мне хоть иногда, Ветка, а то поговорить, кроме Егора, не с кем, а он, сама понимаешь, слушатель только...

– Я же сказала – наладится все, – поцеловав ее в щеку, пообещала ведьма и умчалась к своему Сереге, а Коваль побре-

ла обратно в бокс, где неподвижно и безмолвно лежал любимый муж.

Она опять села у его постели, неотрывно глядя на родное лицо с закрытыми сейчас глазами в густых ресницах.

– Просыпайся, родной мой, посмотри на меня, – попросила шепотом. – Это ведь я, твоя девочка, я так соскучилась по тебе, любимый...

Ответа не было, да и не ждала она его. Ей было важно, чтобы Егор чувствовал, что жена рядом, чтобы слышал ее голос. Шли дни – и ничего не менялось, врачи начали заговаривать о том, что вряд ли уже Егор будет прежним, что, скорее всего, так и не выйдет он из комы, продолжая жить, пока будет биться его совершенно здоровое сердце. Марина прекрасно знала, как называется такое состояние больного – овощ... Но это не о ее Малыше, она никому не позволяла даже думать так, а за подобное предположение, высказанное при ней вслух, один резвый ординатор получил коленом в пах, и телохранители едва успели перехватить хозяйку и закрыть в боксе, чтобы та его вообще не искалечила. После этого Марину вызвал к себе главный врач, пообещав вызвать ОМОН и выкинуть из больницы вместе с ее быками. Коваль в ответ только зловеще улыбнулась:

– Попробуйте!

– Ты, Коваль, всегда была странная какая-то, шальная, – вздохнул главный. – Я ж тебя лет с шестнадцати помню, когда ты еще полы здесь драила, нельзя было тебя не заметить

– все мужики, как коты на валерьянку, облизывались. Что-то было в тебе запретное, запредельное. Что ж ты сделала со своей жизнью? – спросил он вдруг совсем по-отечески. – Зачем тебе это уголовное дерьмо? Детей бы рожала, а ты...

– Какие, к черту, дети! – невесело усмехнулась она, взяв сигарету. – Еще одно уязвимое место. А про жизнь... Это от меня не зависело, так сошлось, и все – вход – рубль, а выход – два, не соскочишь уже. И «маски-шоу» ваши не пугают меня давно, я прекрасно знаю, что такое КПЗ и СИЗО. Обещаю, что, как только Егору станет хоть немного лучше, я заберу его и сама отвалю отсюда, не волнуйтесь. Но врачам скажите, чтоб не смел никто при мне говорить что-то подобное о моем муже – убью! – и, ткнув окурок в пепельницу перед носом обескураженного главного, вылетела из кабинета.

В палате ждал сюрприз – в кресле возле Егора восседал Строгач, а рядом с ним – улыбающаяся Ветка. По углам замерла охрана, возглавляемая Хохлом, опутившим глаза в пол при Маринином появлении.

– Здравствуй, Серега, – негромко сказала Марина, когда он шагнул к ней и обнял.

– Здравствуй. Приехал посмотреть, как ты тут, как Малыш.

– Сам видишь – как, – кивнула она на неподвижного Егора.

– Да-а! – протянул Серега. – Ты плохо выглядишь, Коваль. Устала?

– Не знаю...

– Так, Вета, – скомандовал он. – Остаешься здесь на пару часов, побудешь. Ей проветриться надо.

– А успеете – за пару-то часов? – сощурилась Ветка, глядя на Строгача.

– Рот закрой! – велел он негромко, но так, что даже у Марины мурашки побежали.

Ветка мгновенно умолкла и села в кресло, а Строгач, подав Коваль с вешалки шубу, повел к выходу. Телохранители вопросительно смотрели на это все, но она успокоила их, сказав, что едет домой и скоро будет. Уже в машине устало спросила у сидящего рядом Сереги:

– Что ты хочешь от меня?

– Ты знаешь.

– Я не могу, Серега, пойми, пока он – там, такой... Не могу...

– Можешь. И хватит об этом, – он сжал ее руку так, что побелели пальцы. Коваль тяжело вздохнула:

– Ты можешь взять меня силой, я не в состоянии сейчас сопротивляться, можешь позвать своего Хохла, чтобы помог, но это ничего не изменит.

– Я никогда не беру баб силой, они сами ноги раздвигают, – усмехнулся Строгач.

– Это не мой случай.

– Ты не исключение, Наковальня. Сама попросишь и предложишь сама.

– Зря ты так обо мне. Я не шлюха, и не была ею никогда.

– Да иди ты к черту, Коваль! – заорал вдруг он, отпихивая ее от себя. – На хрен мне этот головняк?! Я на колени должен встать, чтобы ты позволила себя трахнуть? Иди ты к такой-то матери, королева! Вали, бери шмотки свои, я тебя отвезу к твоему обожаемому Малышу, который и не понимает, кажется, какое сокровище имеет каждую ночь, чистоплюй хренов! Но запомни этот день!

– Не грози мне, Серега, не надо...

Дома она побросала в сумку какие-то тряпки, сменила шубу на кожаную куртку, взяла из сейфа пачку денег. В больницу ехали молча, Строгач игнорировал непокорную бригадиршу, демонстративно глядя в окно. Он не поднялся с ней в отделение, бросив только:

– Ветке скажи, что жду. Удачи тебе.

Коваль промолчала.

Едва открыв дверь бокса, она наткнулась на вопросительный взгляд подруги и, отрицательно качнув головой, сказала:

– Ничего не было, Ветка, – увидев, как радостно и благодарно заблестели у той глаза. – Иди, он ждет тебя в машине.

Она поцеловала Марину и убежала, а Коваль, прислонившись головой к плечу Егора, заплакала.

– Родной мой, мне так тяжело и невыносимо без тебя... Вернись, я прошу тебя...

И вдруг она услышала, как он произнес хриплым, срывающимся голосом:

– Не плачь... моя девочка...

Марина подняла голову – на нее смотрели широко распахнутые синие глаза... От шока ее тело стало ватным, чужим каким-то, и речь пропала куда-то, Коваль сидела и безмолвно смотрела на мужа, а он, словно пробуя слова на вкус, шептал:

– Девочка... девочка моя... родная...

Приехавший в это время Розан онемел от изумления, замер в дверях, а Марина не шевелилась, боясь спугнуть чудо, случившееся вопреки всем прогнозам.

– Не плачь... – опять повторил Егор, и она, очнувшись наконец, послушно стала вытирать глаза.

– Я уже не плачу, родной, все, все...

Розан было двинулся к ней, но Марина отмахнулась от него, как от назойливой мухи:

– Уйди пока, не до тебя мне!

За дверью он возбужденно сообщил охране:

– Ништяк, пацаны, сдвинулось – Малыш в себя пришел!

Коваль все еще не верила, что это так и есть, гладила его по лицу, по волосам и смотрела, смотрела...

– Поцелуй меня, – попросил он шепотом, и Марина прижалась к его губам, ощущая, как он отвечает, прижимая ее голову здоровой рукой.

– Ты симулянт, Егор, – тихо сказала она, оторвавшись от мужа. – Я так люблю тебя.

Егор закрыл глаза, утомленный неожиданными эмоция-

ми, он был еще слишком слаб.

– Отдохни немного, – прошептала Коваль, поцеловав его в лоб и выходя из бокса.

Утащив Розана в курилку, она уселась на подоконник, болтая ногами.

– Светишься прямо! – улыбнулся он, поднося зажигалку. – Рад за тебя.

– Спасибо. У тебя что-то срочное?

– Короче, подруга, в Москве пацаны завалили жену Самсона, – тихо сказал Розан, вмиг став серьезным.

– Как – завалили? – Рука с сигаретой остановилась, не дойдя до губ, Марина смотрела на заместителя и не понимала, о чем он говорит.

– Наглухо. Хотели прихватить, а она вырвалась, орать стала, ну и...

– Зачем?! Я же просила тебя – без крови!

– Да выхода не было, пойми! – рявкнул он. – Между прочим, паспорт у нее нашли на другую фамилию и вид на жительство в Израиле. Усекаешь?

– А в Москву она за кефиром прилетала, Самсон израильского не пьет? – удивилась Марина, искренне недоумевая по поводу столь странных обстоятельств.

– Да черт ее знает! Зато теперь понятно, где он окопался.

– И что – мне должно полегчать от этого? Как я его оттуда достану? – с досадой сказала Коваль, понимая, что это будет совсем непросто.

– Фигня – зарядим туда пацанов, они прихватят.

– Да, прихватили они уже жену, хорош! И не до этого мне сейчас, надо Егора поднимать, раз уж все так сложилось.

Это удалось ей не сразу и с большим трудом, пришлось основательно потратиться и вложить много собственных сил и нервов. Сколько раз муж орал на нее, когда она заставляла его вставать, ходить, двигаться, когда заставляла соблюдать все врачебные назначения и диету, весьма жесткую и противную из-за ранения желудка. Но Марина не обращала внимания, упрямо настаивая на своем.

– Какая же ты стерва, Коваль! – стонал Малыш, но та неизменно отвечала:

– Мне не нужен инвалид, я хочу здорового, сильного мужика, способного гасить меня ночи напролет! Иначе уйду к другому!

– Стерва! – орал он, сгребая жену в охапку и не выпуская без порции поцелуев.

Словом, первого мая она забрала его домой почти в прежнем состоянии, на своих ногах и полного сил. Весь народ гулял в центре, отмечая праздник, а Марина с Егором в окружении телохранителей и Розана сидели в беседке у бассейна, и Серега жарил свои фирменные шашлыки. Егор наслаждался шедеврами сушиста из «Шара», ради праздника превзошедшего самого себя в приготовлении этих блюд. Было уже совсем тепло, даже трава кое-где пробивалась. Коваль потягивала текилу, к которой не прикасалась со дня покушения

на Егора. Тот улыбался, поглядывая в сторону жены:

– Не балуйся, накажу!

– Я же аккуратно, по чуть-чуть! – оправдывалась она, но стакан отставила, поймав на себе ехидный взгляд Розана.

– Все, Коваль, похоже, отпилась ты – Малыш решил за тебя всерьез взяться!

– Отвали, да? Захочу – так налакаюсь – ахнете вместе с Малышом! – пригрозила уязвленная Марина.

– Давай-давай, а я тебя потом высеку! – пообещал Егор без тени улыбки, и она замолчала.

Просидев до темноты, Коваль решила, что пора бы и расходиться – многовато впечатлений для первого дня дома. Они поднялись в спальню, Егор пошел в душ, и она не смогла отказать себе в удовольствии присоединиться. Наблюдая с улыбкой за ее жадными ласками, Егор поинтересовался:

– Похоже, моя девочка не размялась ни с кем за это время?

– Нет, – ответила она, опускаясь на колени и глядя на него снизу. Он, кажется, удивился:

– Что, вообще?

– Как ты можешь, а? Ты лежал в коме, а я, по-твоему, скакала по чужим постелям?

– Не обижайся, любимая, – попросил он. – Просто я знаю тебя, знаю, как любишь ты мужское внимание и ласку. О господи, – пробормотал, отрываясь от нее буквально на секунду. – Я и забыл, какая ты, моя сладкая...

Утром, откатившись от неподвижно лежащей поперек кровати Марины, муж соизволил поинтересоваться:

– Устала, любимая?

Она молчала, не в силах шевельнуться.

– Может, поедим?

После бурных и затяжных занятий любовью он ел нерезально много, ей же при воспоминании о съестном стало дурно.

Пока Егор был на кухне, Коваль добралась до зеркала и ужаснулась – вид у нее был, как у проститутки после «субботника» с ее быками – глаза ввалились, вокруг них – чернота, лицо безумное, волосы висят сосульками. Кошмар! Вернувшийся муж обнял ее сзади, положил на плечо голову и страстно прошептал на ухо:

– Ты самая прекрасная женщина, любимая моя. Я люблю тебя, с ума схожу, исполню любое желание...

Она спала почти сутки, приходя в себя после любовного марафона, даже не вставая поесть – сил не было. Приехавший Розан, глядя на ее бледное лицо с огромными синими кругами вокруг глаз, улучил момент, когда Егор вышел из каминной, и просто скорчился от смеха:

– Ха-ха-ха, Коваль! Вот не знал, что Малыш такой же-ребец! Смотри, насмерть замучает, если ты его не приструнишь!

Она только отмахнулась, улыбаясь:

– Пусть, лишь бы ему хорошо было!

– За что ж ты любишь-то его так, скажи? – спросил вдруг

Розан тихо и серьезно.

– Просто за то, что он есть, за то, что мой.

– Ты, дорогая, хоть бы делами поинтересовалась!

– Я ж тебе, Серега, доверяю.

– Я заказал оборудование для казино, бумаги подпиши.

– Оставь, посмотрю. А про Самсона – ничего? – понизив голос, спросила Коваль, которую этот вопрос волновал куда сильнее, чем собираемая с подкрышных коммерсов дань или прибыли от казино и клубов. От этого зависело ее спокойствие и безопасность ее мужа, а это куда более ценные вещи.

– Пока нет. Малыш знает, кто его?

– Нет. И не узнает, – жестко произнесла она, давая понять, что этот вопрос больше не обсуждается.

Вернулся из кухни Егор, принеся жене чашку кофе и сигареты. Розан начал прощаться, ехидно поглядывая в Маринину сторону, но та сделала вид, что не замечает. Егор недоуменно спросил:

– Что это с твоим Розаном?

– Шок и удивление. Это ведь только ты не видишь, во что меня превратил, а Розан не слепой.

– По-моему, он просто завидует.

– Тебе или мне?

Егор захохотал, обняв ее. Возможно, на подобные проявления чувств его подталкивало желание безраздельно вла-

деть этой женщиной, подчинять ее себе и видеть, что она безропотно идет на это. Такая неуправляемая и взбалмошная в жизни, в постели Коваль становилась совершенно другой, она не любила главенствовать, а с удовольствием отдавала свое невероятно желанное тело во власть мужа, выполняя любые его просьбы и причуды. Только там Егор чувствовал себя ее хозяином. В остальное время жена не подчинялась никому, наоборот – от одного только взгляда этой женщины бледнели многие уверенные в себе мужики, а толпа отморожков с уголовным прошлым, именуемая бригадой, беспрекословно подчинялась и делала все, что говорила Наковальня. И только он, Егор Малышев, знал, какая она на самом деле нежная, ласковая и желанная...

Врачи запретили на какое-то время Егору работать, и он не ездил в офис, принимая все бумаги по факсу тайком от жены. Марина, конечно, это знала, но молчала, понимая, что дела в корпорации и так идут не очень-то. У нее самой их было не меньше, дел-то, она бывала дома только по вечерам, и Егор встречал ее так, словно отсутствие любимой было по меньшей мере недельным. Коваль в кои-то веки не ездила на разборки, не наводила дисциплину в бригаде железной рукой – Розан освободил ее от этого, оставив только бумажки по «Империи удачи».

– А то ты в последнее время жестокая стала, пацаны бояться начали, – шутил он. – Такая красивая женщина – и за-

машки мясника!

– Ты решил воспитать из меня нежную курсистку, падающую в обморок от слова «дура»? – смеялась Марина.

– Ага, упадешь ты в обморок от этого слова, как же! Матом кроешь, словно десять пасок отсидела! Самой-то страшно не бывает, назад не оглядываешься?

– Я, Серега, стараюсь этого не делать. Жить сегодня надо, ведь завтра может и не наступить при нашей с тобой жизни. Не хочу вспоминать то, что было в прошлом, иначе могу с ума сойти. Ты и сам ведь знаешь, – они сидели вдвоем в ее кабинете в офисе «Империи», и Розана вдруг потянуло на душевные разговоры:

– Я, Коваль, уважал тебя, когда ты против Мاستифа поперла, когда к Черепу уехала, – сказал он, закуривая. – Не испугалась, что с тобой могут сделать.

– Серега, вот за это самое я виню себя до сих пор. Если бы я вообще не приблизилась к Черепу, он был бы жив. Это я убила его, я и мое тело, державшее его тисками. Я позволила Олегу взять то, на что и сама-то прав не имела, как оказалось. Ты же помнишь, для чего я нужна была пахану? Мне просто повезло, что Олег оказался рядом, научил, что и как, да еще – что первым, с кем мне пришлось оказаться в постели по приказу, был Малыш, – Коваль замолчала, прикурила сигарету. До сих пор воспоминания причиняли боль, это было страшное время, с которого она и начала подниматься по лестнице, могущей в любой момент рухнуть. Но именно

та пора подарила ей Егора.

– Слушай, Розан, что-то мы с тобой стали слишком глубоко рыть, надоело, хватит!

– Да никто и не рыл, – пожал плечами Серега.

На этом «вечер воспоминаний» закончился, и Розан повез хозяйку обедать в «Стеклянный шар». Японская кухня мирила ее с тяготами жизни, это совсем не то, что, например, налопаться пиццы в итальянской пиццерии или капусты со свиной ножкой – в немецкой пивной. Это требовало неторопливого наслаждения, созерцания, внимательного взгляда внутрь себя, словно прислушиваешься к ощущениям. Коваль часами могла сидеть в татами-рум, расслабляясь и получая удовольствие, сравнимое разве что с хорошим сексом, который дарил ей Егор...

Сегодня весь кайф поломала Ветка, позвонившая на мобильный.

– Мне нужно срочно тебя увидеть! – заорала она, даже не здороваясь. – Я умоляю тебя – это срочно!

– Приезжай, я сижу в «Шаре», скажешь мэтру, что ко мне, он проводит, – неохотно отозвалась Марина – перспектива разгребать какие-то Веткины проблемы сегодня не улыбалась, она собиралась пораньше закончить все дела и побыть вдвоем с мужем, а теперь придется немного отложить этот приятный момент.

Ветка прилетела минут через сорок, вся какая-то вздернутая, без косметики и кое-как одетая, плюхнулась рядом с

Мариной, выхватив из-под руки чашечку с сакэ и опустошая одним глотком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.